

МИХАИЛ КАРТЫШОВ

СОЛИТАРИУС
книга первая

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Михаил Картышов
Солярисиус. Книга первая

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Картышов М. Е.

Солитариус. Книга первая / М. Е. Картышов — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-07608-2

В оздоровительный центр «Солитариус» попадают только талантливые люди с неизвестной формой амнезии. Поэт, писатель, актёр, философ, учёный и другие — все они не помнят своего прошлого, а руководство «Солитариуса» практически ничего не рассказывает о нём, заставляя их придумывать друг другу имена и прозвища. В совокупности с другими странностями это порождает атмосферу всеобщего недоверия. Главный герой, которого все считают поэтом, намерен разобраться в происходящем. Сможет ли он выйти победителем из схватки с неизвестностью? И нужна ли ему эта победа? Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-07608-2

© Картышов М. Е., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	30
Глава 6	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Глава 1

Последнее, что я помнил – стремительное падение в темноту. Свет сознания разгорался мучительно медленно. Он выхватывал из темноты цветные картинки, образы, лица и тут же отбрасывал их. Это длилось то ли мгновение, то ли целую вечность – до тех пор, пока я не почувствовал сильную головную боль и не открыл глаза.

Но внешний мир вообще не имел никаких очертаний: это был какой-то расплывчато-серый туман, в котором что-то двигалось и издавало шипящие звуки. Боль резко усилилась, и я закричал. Из тумана вынырнула тонкая белая рука и ужалила меня в левое плечо. Я снова закрыл глаза. Внутри заструилось что-то жгуче-ледяное: мне казалось, будто я превращаюсь в статую. Вдруг боль начала стихать, и я услышал ласковый женский голос: «Потерпите немного, Есенин. Сейчас всё пройдёт».

Я хотел спросить, почему она назвала меня Есениным, но язык совсем одеревенел. Молочно-медовые волны затопили всё моё существо, лёд треснул и растворился в потоке тепла. Боль ушла, и я открыл глаза.

Я лежал на широкой кровати, застеленной белоснежной простыней. Попробовал пошевелиться, но не смог, потому что руки и ноги были привязаны ремнями к кровати. Что это, сон? Рядом, на стуле, сидела молодая светловолосая девушка в белом платье. Её глаза лучились такой добротой и состраданием, что я забыл о своём положении и уставился на неё как идиот. Мы смотрели друг на друга и молчали. Неизвестно, сколько бы это продолжалось, если бы она наконец не нарушила наше проникновенное молчание.

– Вы вернулись, Есенин? Или всё ещё обитаете в своём прекрасном мире? – Голос её завораживал не меньше, чем её взгляд: он благоухал весенними цветами, солнцем и ещё чем-то таким, что словами и не выразишь.

– Приветствую вас, прекрасная леди! Позвольте узнать, почему вы называете меня Есениным? – как можно галантнее произнёс я, досадуя на свой неуместно хриплый голос.

– Вернулись, значит. – Она вздохнула и улыбнулась. – Это хорошо. Плохо, что снова всё забыли, стихотворец вы наш. Ничего, это поправимо. Может, вспомните хотя бы, где вы находитесь?

– Я, конечно, постараюсь, сударыня, но сперва нельзя ли отвязать меня? Не слишком комфортно вспоминать что-то в таком положении.

– Ах да, простите, совсем забыла, – она встала и принялась развязывать ремни, продолжая говорить. Видя, с какой ловкостью она это делает, я понял, что для неё это привычное дело. – Не беспокойтесь из-за ремней. Мы прибегаем к ним только в крайних случаях, когда вы не контролируете себя. Адекватным пациентам мы предоставляем полную свободу действий. Готово.

Она снова присела на стул. Я тоже сел, с наслаждением двигая руками и ногами, и осмотрелся. Довольно-таки просторная комната с одним широким окном, за которым зеленеет небольшая лужайка, обрамлённая высокими берёзами и соснами. У окна – светло-серое кресло. Такого же цвета небольшой пушистый ковёр на полу из паркетных досок. Рядом с креслом – прямоугольный деревянный стол с толстой столешницей и настольной лампой на ней. Стены тоже деревянные, но немного светлее пола. Справа от меня – дверь (вероятно, входная), возле неё – массивный тёмно-коричневый шкаф и несколько пар разнообразной обуви. И две двери прямо напротив меня.

– Пациентам? – я перевёл взгляд на девушку. – Значит, я в больнице? Не очень похоже на больничную палату...

– Это и не палата, это ваша комната. Вообще, конечно, я предпочла бы называть вас гостями, но всё-таки пациенты более подходящее слово. К сожалению, – печально улыбнулась она. – Вы находитесь в оздоровительном центре "Солитариус". Не припоминаете?

– Нет. А что я здесь делаю?

– Лечитесь. Мы пытаемся помочь людям с психическими проблемами.

– Но я не псих, я...

И тут до меня дошло... Кто я? Как меня зовут? И как я здесь оказался?

– Конечно, вы не псих. Психов в обычном понимании этого слова мы здесь не держим. Напротив, уверяю вас, у нас собрались исключительно умные люди. Мы не лечим безнадежно больных и просто безнадежных, если вы понимаете, о чём я.

– Не понимаю, но это меня сейчас не волнует. Я не могу вспомнить, кто я. Как меня зовут? Почему я здесь?

– Хорошо, давайте по порядку. Вы – поэт. Вот почему мы называем вас Есениным. Ваше настоящее имя знает только Гиппократ. Это...

– Кто? Какой ещё Гиппократ? Что за бред? – нахмурился я.

– Пожалуйста, не перебивайте, я сейчас всё объясню. Договорились? – слегка раздражённо сказала она.

Я кивнул.

– Гиппократ – это создатель и руководитель нашего центра. Его настоящего имени никто не знает. Здесь никто не пользуется настоящими именами – такова идея Гиппократа. Каждый сам придумывает имена окружающим или пользуется уже придуманными. Как вы понимаете, это означает, что у каждого из нас не одно имя. Меня, к примеру, некоторые злые языки окрестили Змеёй, Горгоной, Бестией и всё в таком же роде, – девушка звонко рассмеялась, и я почувствовал, как моя симпатия к ней берёт верх над моей растерянностью. – Но я не обижаюсь. Мы не посягаем на свободу мыслей и мнений.

– Действительно, злые. Мне бы и в голову не пришло, что кто-то может вас так не любить. Но зачем всё это нужно? Почему я не могу узнать своё настоящее имя?

– На это есть причины, но о них вам расскажет Гиппократ, а не я.

– Ну хорошо, – не стал я настаивать. – А как я называю вас?

– Этого я вам не скажу, Есенин. Мне важно знать, изменилось ли ваше мышление после приступа.

Я посмотрел на её волосы, льющиеся золотистыми завитками на грудь, заглянул в ясные голубые глаза и сказал:

– Я бы назвал вас Светланой, если бы это имя не было насквозь пропитано духом обыденности. Злата. Златовласка.

Она улыбнулась.

– Именно так вы меня и называли. Мне нравится это имя, по крайней мере, оно звучит лучше, чем Змея или Бестия. Но позвольте мне продолжить.

– Да, конечно.

– Итак, с именами мы разобрались. Теперь о причинах вашего пребывания здесь. Дело в том, что временами вы впадаете в состояние последовательного солипсизма. Проще говоря, вы убеждены, что окружающий мир существует только в вашем сознании, и поступаете соответственно. Понимаете?

– Не совсем. Что значит "поступаете соответственно"?

Она вздохнула и нахмурилась.

– Это значит, что вы становитесь опасны для себя и для других. На вашем счету несколько покушений на убийство и на самоубийство.

Златовласка замолчала. Я опустил голову и задумался.

– Если это правда, почему я не в тюрьме или не в дурке для преступников?

– Вы избежали этой тяжкой участи, потому что вовремя обратились за помощью к нам.
– Значит, я сам к вам пришёл? Давно я здесь?

– Да. Около девяти месяцев. Вы оказались у нас сразу после того, как пытались убить свою жену. Кстати, на днях она должна навестить вас. Подробности узнаете у Гиппократы – сегодня в шесть вечера вам необходимо прийти к нему. Он живёт неподалёку.

Я поднял голову и внимательно посмотрел на Златовласку: абсолютно спокойное лицо, добрые глаза, идеальная фигура, но что-то с ней было не так. Что именно, понять я так и не смог. Несмотря на это или, возможно, благодаря этому, моя симпатия к ней только росла.

– Не знал, что у меня есть жена. С ней всё в порядке? Я хочу сказать: я её не покалечил, когда пытался...кхм?

– Честно говоря, не знаю, но я её видела и даже говорила с ней пару раз – по-моему, у неё всё хорошо.

Несколько секунд мы молчали, а потом я спросил:

– Какая она? Как её зовут? Сколько ей лет?

– Красивая. Имени не знаю. Кажется, вы – ровесники.

– Хм, – я горько усмехнулся, – осталось узнать, сколько лет мне.

Златовласка улыбнулась, кулачком подпёрла подбородок и сказала:

– Разве имеет значение, сколько времени вы прожили? Это то же самое, что имя, данное при рождении. Что ваше имя может рассказать о вашей сущности? Так же и возраст ничего не говорит о человеке.

– Да вы философ, милая барышня.

– Не смешите меня, Есенин. Философ и милая барышня – несовместимые понятия. Что ещё вы хотите узнать? Спрашивайте скорее, меня ждёт ещё один пациент.

– Вы сказали, что предоставляете полную свободу адекватным пациентам. Так?

Она кивнула.

– Но я же опасен? И вы не боитесь?

– Видите ли, одно из главных правил "Солитариуса" гласит: свобода влечёт за собой ответственность. Это значит, что за все свои поступки нужно отвечать. Мы предоставляем вам свободу – на территории центра, а вы отвечаете за свои поступки.

– Значит, центр покинуть нельзя? А говорите: полную свободу.

– Есенин, не притворяйтесь дураком. Если бы это пошло вам на благо, мы бы с радостью разрешили вам покинуть "Солитариус". К тому же вы забыли, что нас окружают многокилометровые леса. Вы просто-напросто заблудитесь, если мы вас отпустим.

– Ничего себе. А где мы вообще находимся?

– В Сибири.

Я напряг память в попытках что-нибудь вспомнить, но тщетно.

– Где я жил до того, как оказался здесь?

– Ваши личные данные знает только Гиппократ. Мне он сообщает только самое необходимое. Такова политика нашего центра. Подробности узнаете вечером.

– Хорошо. Я вот чего не пойму. Если я кого-то убью или попытаюсь, как я отвечу за это?

– Мы накажем вас. Как именно – решает Гиппократ. Он подходит индивидуально к каждому нарушению и нарушителю.

– Вы считаете, что больные люди должны отвечать за себя? Не кажется ли вам...

– Нам ничего не кажется, – раздражённо перебила Златовласка. – Мне пора идти. Встретитесь с Гиппократом и всё узнаете. В шесть, не забудьте.

– А сейчас сколько?

Она кивнула на стену позади меня.

– Одиннадцать. Часы у вас за спиной. Кстати, обед в двенадцать, если пожелаете. Я сейчас попрошу вашего приятеля – он вам всё объяснит и покажет.

- Приятеля?
- Да, вы с ним дружили, если можно так сказать, пока вы не отключились.
- Он тоже болен?
- Вот у него и спросите. Извините, но мне пора.
- Да, конечно. Рад знакомству, хм, Златовласка.
- С возвращением, – улыбнулась она и вышла, закрыв за собой дверь.

Я встал с кровати и подошёл к окну. Судя по пышности трав и берёзовых шевелюр, на дворе царило лето. Только небо как-то неопределённо насупилось: то ли хотело засмеяться, то ли заплакать. Что-то похожее творилось и во мне.

«Почему я помню, кто такой Есенин, но ничего не помню о себе? – Я постучал пальцами по подоконнику и повернулся лицом к комнате. Больше всего меня заинтересовали двери напротив кровати. – Неужели это то, что я думаю?»

«Почему базовые знания о мире и даже само понятие «базовые знания» сохранились в моём мозгу, а память о себе – нет? – продолжая размышлять, я подошёл к двери, что была ближе к окну, и повернул тяжёлую золочёную ручку. – Ага, ванная. Ничего себе!»

Поражало само наличие отдельной ванной комнаты в таком месте, но наличие *такой* ванной прямо-таки ввело меня в ступор. Напротив входа висела встроенная в шкафчик светло-коричневая – в тон стенам – раковина, а над ней – прямоугольное зеркало в деревянной раме. Около небольшого окошка стоял комод, а слева от него – самая необычная ванна, которую мне доводилось видеть. Необычность её заключалась в том, что она была сделана из досок, вероятно, дубовых, верхнюю часть которых обтягивала одна стальная полоска, а нижнюю – две. Как деревянная бочка, только широкая и длинная, в полтора человеческих роста, а высотой примерно мне по пояс. Я шагнул к зеркалу, и включился свет: автоматическое освещение, значит. Молодой мужчина в белой футболке недоверчиво смотрел на меня из зазеркалья. Бледное лицо с блестящими глазами, короткие светлые волосы, отливающие рыжиной густая борода и усы. Неужели это я? Повернул один вентиль, второй, проверяя наличие горячей воды. Убедился, что она есть. Умылся холодной и вытер лицо найденным в комодке полотенцем.

«Да, любопытно», – вслух сказал я, повесил полотенце на крючок справа от зеркала и вышел. За второй дверью прятался туалет. Унитаз, к счастью, оказался обычным, а не деревянным.

«Наверное, этот Гиппократ объяснит мне всё. Ну и цирк они тут устроили. Она сказала, что я – поэт. Значит, должны быть какие-то записи».

Я нашёл их в тумбочке возле кровати. Две обыкновенные общие тетради и маленький чёрный блокнот. Одна из тетрадей оказалась черновиком, исписанным наполовину, и я положил её обратно. Открыл вторую и начал читать:

«Их нет. Есть только Ты один.
В безбожной пустоте глаза Твои отверзлись
И создали сей мир,
От истины спасаясь,
Но память воскресит
Убитый ложью страх...»

Я бегло просмотрел остальные страницы. Мне было сложно поверить, что весь этот бред придумал я. На последней странице большими буквами было написано, но явно не той рукой, что писала остальное:

НАСИЛИЕ – ПУТЬ В НИКУДА.

Громкий стук в дверь прервал мои размышления. Я убрал тетрадь с блокнотом в тумбочку и сказал: "Войдите!"

Дверь открылась, и в комнату вошёл низенький лысый старичок с длинной седой бородой. Одет он был в старомодный светло-серый костюм. По тому, как он двигался, я сразу понял, что, несмотря на преклонный возраст, это чрезвычайно бойкий человек.

– С возвращением, Есенин! Вы, должно быть, меня не помните? – произнёс старичок бархатным голосом, который плохо вязался с его внешностью – как будто кто-то другой говорил за него.

– Здравствуйте! Извините, да, я не помню вас. Вы, наверно, тот самый Гиппократ?

– О, что вы! Гиппократ никогда не приходит к нам.

– Ещё раз извините.

– Не стоит, мой юный друг, не стоит! Но позвольте же пожать вашу руку! Я несказанно рад снова видеть вас в добром здравии!

– Э-э-э, спасибо.

Старичок подошёл ко мне и с чувством начал трясти мою руку в своей, глядя мне в глаза и приговаривая:

– Очень, очень рад!

– Спасибо. Прошу прощения, но как вас зовут?

Он наконец отпустил мою руку и хитро усмехнулся в бороду, которая была подлиннее моей. Светло-голубые глаза его светились умом и безумием – мне почему-то подумалось именно так.

– Наша юная надсмотрщица категорически запретила напоминать вам, как вы звали меня и всех остальных.

– Вы о Златовласке?

– Это для вас, Есенин, она – Златовласка, а для меня – Бестия, – весело сказал старик. – Всё в мире пронизано субъективностью. Мы все живём в разных мирах, понимаете?

– Думаю, да. А Бестия, потому что белокурая?

– И поэтому тоже. Удивительно, не правда ли, что после приступов, как называет это Бестия, мы ничего не помним о себе, а всё остальное помним? Вас это не удивляет, Есенин?

– Да, мне сразу пришла в голову эта мысль. Постойте, а вы что, тоже теряли память?

– Конечно. Мы все здесь время от времени теряем память. На этом и специализируется "Солитариус".

– Значит, я не один такой... Хоть какое-то утешение, – я усмехнулся и посмотрел на своего собеседника. – Подождите-ка... Время от времени? Как это понимать?

– Ах, если бы я знал! Они говорят, что это случалось с нами не раз. Я, например, за полтора года, проведённых здесь, терял память трижды. В последний раз это произошло около двух месяцев назад. А вы, насколько я помню, – он с горечью рассмеялся, – забывались – о, какое подходящее слово! – дважды, не считая вчерашнего. Однако я знаю это только с ваших слов, а вам, понятное дело, сказала об этом Бестия.

– Они что-нибудь говорят о причинах? Вот у вас какой диагноз? Мне Бе... то есть Златовласка, сказала, что я болен последовательным солипсизмом. Я и не думал, что солипсизм – это болезнь.

– Они пытаются понять, почему это происходит с нами. Так они говорят. Солипсизм... – задумчиво покачал он головой. – Вряд ли это диагноз. Возможно, Бестия сказала так, чтобы вы поняли. Или же... Ну, это неважно, и говорить нечего.

– У вас тоже солипсизм?

– Нет. У меня якобы паранойя, – с заметным раздражением сказал старик. – Однако не будем об этом.

– Хорошо... Так как же мне вас называть? Я ведь вас совсем не знаю.

– О, называйте как хотите, я не обижусь! Подумайте, а я покамест тихонько посижу на этом прекрасном стуле.

Я присел на кровать и задумался, но в голову лезли не слишком благозвучные имена вроде Хоттабыча и Мерлина. Хоть старик и сказал, что не обидится, я всё-таки решил найти в памяти имя получше. И нашёл. Точнее, оно само всплыло в сознании.

– Если вы не возражаете, я буду называть вас Сократом.

– Великолепно! Вы точно не притворяетесь?

– Нет, почему вы так... – я замолчал, сообразив, в чём дело. – Значит, раньше я так вас и называл?

– Да. Это просто невероятно! – восторженно воскликнул Сократ.

– Действительно, удивительно. То же самое вышло и со Златовлаской. Это, вероятно, о чём-то говорит?

Он погладил бороду и ответил:

– Сложно сказать. Не стану ничего утверждать, но мне кажется, что это говорит о некоей автоматизированной направленности мозга, о несвободе выбора, о предопределённости, если хотите. Даже если ваш мозг просто-напросто где-то в своих глубинах сохранил информацию о наших именах, а вы её выудили оттуда. Я хотел сказать: часть вашего мозга, отвечающая за ассоциативное мышление, выудила её оттуда. Однако это только мои домыслы.

"Старичок-то не так прост, как кажется", – подумал я. А вслух сказал:

– Не зря я назвал вас Сократом.

– О, что вы, молодой человек! Я очень далёк от истинной мудрости. Но вот что я хочу добавить: если мозг сохранил эту информацию, то можно предположить, что он сохранил и другую, более важную, а именно: информацию о нашем прошлом. Если это так, то остаётся только найти способ выволить её из темницы подсознания.

– Вы тоже не помните своего прошлого? Златовласка сказала мне, что я – поэт, что у меня есть жена, а больше ничего. Но сам я вообще ничего не помню о прошлом.

– Здесь никто не помнит своего прошлого. Всё, что мы о нём знаем, мы знаем от руководства. А оно отказывается много рассказывать нам. Это, видите ли, может негативно сказаться... Порой мне даже кажется... Да что же это в самом деле я вас своими догадками потчую! Вам ведь наверняка хочется узнать, как мы тут живём!

– Мне бы хотелось вспомнить, кто я. Но раз уж это невозможно, – я нахмурился, – то делать нечего.

– Одно другому не мешает, дружище! Вы спрашивайте, а я по мере возможностей буду вам отвечать. Авось что-нибудь и всплывёт.

– Хорошо. Какой сейчас год?

– Сегодня... Двадцать пятое июня две тысячи восемнадцатого года.

– Где мы находимся?

– Где-то в Сибири. Точного местонахождения никто из нас не знает. Ни Гиппократ, ни Бестия, ни помощники не желают об этом говорить.

– Что за помощники?

– Что-то вроде санитаров. Но руководство против того, чтоб мы их так называли. Поэтому между собой мы зовём их дуболомами, – ехидно улыбнулся Сократ, но тут же как будто чего-то испугался и прошептал: – Ох, зря я вам это сказал. Ох, зря...

– Почему?

Старик зачем-то посмотрел по сторонам, подошёл к окну, что-то высматривая, потом обернулся и громко заговорил:

– Итак, на чём мы остановились? Ах да! Помощников трое. Появляются они у нас редко, однако если вы их увидите, можете быть уверены, что у кого-то приступ.

Я был удивлён его поведением, но решил промолчать. "Чёрт знает, что здесь творится, – мелькнула у меня мысль. – Лучше пока не спешить".

– Понятно. А сколько всего пациентов?

Сократ поднял глаза к потолку и, что-то бормоча, принялся загибать пальцы на левой руке.

– Всего получается четырнадцать. Восемь мужчин и шесть женщин. Женщины живут в коттедже рядом с нами. Я вам покажу.

– Это тоже коттедж? – обвёл я рукой комнату.

– О, я не совсем уверен, что это правильное название, однако все привыкли так говорить.

– Сколько здесь комнат?

– Десять: четыре на первом этаже и шесть на втором. Две сейчас свободны. Плюс гостиная, библиотека и кухня.

– А ванная и туалет, – показал я рукой на них, – есть во всех комнатах?

– Да, – хмыкнул Сократ. – Полагаю, вы пришли в восторг от ванной?

– Не то слово, – улыбнулся я. – Значит, такие ванны у всех?

– Насколько мне известно, да.

– Здорово. Да уж, не похоже на обычную психушку.

Старик снова хмыкнул.

– Бестия не сказала вам, что мы платим за лечение большие деньги?

Я ошарашенно посмотрел на него.

– Большие деньги? Нет, она ничего об этом не сказала. Хотя мне следовало бы догадаться. Конечно, кто же в здравом уме стал бы всё это делать только из добрых побуждений... Значит, все пациенты – богатые люди.

– Очень богатые, друг мой! Однако вы не знаете Гиппократ, – Сократ перешёл на шёпот. – Уверю вас, он мог бы заниматься этим бесплатно, только ради идеи.

– Ради какой идеи? И вообще, что он за человек?

– О, Гиппократ – интереснейший человек! – Он снова сел на стул и, наклонившись ко мне, ещё тише прошептал: – Как по мне, он здесь единственный псих. С виду он добр и спокоен, однако глаза его выдают. В нём скрывается что-то страшное, какое-то чудовище, ей-богу! Сами увидите. Да и Бестия не лучше. Разве вы ничего не заметили, когда беседовали с ней?

– Я... Не знаю, вроде бы нет.

– По-моему, она нас ненавидит.

– Почему?

– У меня есть кое-какие предположения на этот счёт, но пока я предпочёл бы не говорить о них. Вы уверены, что ничего не заметили?

– Ну... Да, думаю, что если бы что-то такое было, я бы обратил внимание.

Сократ как-то подозрительно глянул на меня, выпрямился и снова заговорил нормальным голосом.

– Да, Гиппократ – личность выдающаяся. Он очень умён и невероятно проникновен. Он читает людей как открытую книгу. Однако это не мешает ему оставаться беспристрастным. Вы сегодня с ним встречаетесь, не так ли?

– Да, в шесть. Правда, я не знаю, куда идти.

– О, это ничего! Я вас провожу, если хотите. Или вот что... – Он посмотрел на часы позади меня. – Мы можем немного пройтись, и я вам всё покажу. Как раз успеем к обеду. Его подают с двенадцати до часа. Однако...

Тут он снова наклонился ко мне и прошептал:

– Я бы вам не советовал налегать на пищу.

– Почему? – перешёл на шёпот и я.

– Долго объяснять. Просто поверьте мне.

– Думаете...

– Тссс!

– А можно совсем не есть?

– В последнее время я тоже к этому склоняюсь. Но всё же лучше немного съесть, для вида.

Сократ встал и продолжил уже громким голосом.

– Однако если не желаете обедать в столовой, можете заказать необходимые продукты. Составьте список и отдайте его Бестии. Через какое-то время, но вряд ли раньше, чем через месяц, продукты будут у вас.

– Ясно, – я начал подозревать, что диагноз, поставленный Сократу, верен. – А как их доставляют? Кстати, ведь моя жена должна скоро приехать. Или прилететь?

– Наверное, она прилетит. Где-то неподалёку, но не на территории "Солитариуса", есть аэродром и склад. Провизию самолётами доставляют туда, а оттуда уже привозят на квадроциклах в столовую. По крайней мере, так говорит Бестия. Сам я ни разу не слышал шума самолёта.

– А вас кто-нибудь навещал?

– Нет, – помрачнел старик. – Жена моя умерла, а сын с дочерью... Однако мне не хочется об этом говорить, извините.

– Ничего, я понимаю. Значит, здесь есть повара и водители?

– Один водитель и три повара.

– Ну и?

Сократ непонимающе уставился на меня.

– Вы о чём?

– Вы разговаривали с ними? Пытались что-то узнать?

– О, конечно! Однако это бесполезно, – горько улыбнулся он, поглаживая бороду. – На все вопросы, касающиеся нашего прошлого, они отвечают: "Мы ничего об этом не знаем". А если спросить их о местонахождении "Солитариуса" или о чём-то, что может помочь нам это понять, они говорят: "Нам запрещено об этом говорить".

– Но для чего им понадобилось скрывать от нас это? – почесал я затылок.

Сократ приложил палец к губам и подошёл к входной двери. Затем приоткрыл её и высунул голову наружу.

"Да, похоже, что не якобы, – встревоженно подумал я. – Как бы он чего не вытворил..."

Он тихонько прикрыл дверь, повернулся ко мне и еле слышно прошептал:

– Для чего? Надо полагать, для того, чтобы мы не вспомнили, что мы оказались здесь не по собственному желанию, что нас держат здесь насильно – в качестве подопытных кроликов!

Глава 2

Я приподнял брови и хотел было спросить, почему он так думает, но в этот момент в дверь постучали. Сократ страшно побледнел, отшатнулся от двери и бросил на меня испуганный взгляд. "Неужели и правда кто-то..." – додумать эту мысль я не успел, потому что дверь открылась.

Вошедший мне не понравился с первого взгляда. Мужчина неопределённого возраста в лёгких чёрных брюках и белой рубашке с расстёгнутым воротом, бесцветные жидкие волосы, крючковатый нос, ухмылка на очень тонких губах и невероятно ехидное выражение лица, которое я перевёл на язык слов как "хочу сделать гадость!". Гость поклонился и скрипучим голосом произнёс:

– Моё почтение, господа... кролики, – он, ухмыляясь, подмигнул Сократу. – Смотрю, Хоттабыч, ты всё ещё мнишь себя рабом лампы.

– О чём вы... – дрожащим от гнева голосом начал Сократ, но незнакомец перебил его и повернулся ко мне:

– Видишь ли, Маяковский ты мой драгоценный, дедулька наш прямо-таки одержим этой идеей: дескать, заточили его, бедняжку, злодеи в белых халатах...

– Прошу прощения, кто вы? – прервал я его неторопливую едкую речь. – Почему вы мне тыкаете?

Гость почесал указательным пальцем левой руки верхнюю часть своего горбатого носа, поднял глаза к потолку и продекларировал:

– Кто я? Ответ на сей вопрос сокрыт в глубинах разума Вселенной! Какой поэт во мне пропадает! – горестно вздохнул он.

Лицо Сократа источало отвращение. Казалось, он еле сдерживается, чтобы не кинуться на гостя. А тот продолжал, всё так же противно ухмыляясь:

– Я тебе тыкаю, Шекспир ты мой недорезанный, потому что знаю тебя лучше, чем ты сам. А если бы и не знал, так что ж? Можно подумать, ты что-то из себя представляешь, чтоб к тебе на вы обращаться.

– Жалкий вы червяк, вот вы кто! – всё-таки не выдержал Сократ. – Ничего нового, однако это переходит все границы! Подлец и негодяй! Я...я...

Он начал задыхаться от гнева, а гость громко и ехидно расхохотался.

– Ох, насмешил! Подлец и негодяй! Какая прелесть, добрый ты мой дедушка!

Я смотрел на него и не мог понять, чего он добивается.

– Послушайте! – сказал я ему. – Что вам нужно? Если вы пришли насмеяться над нами, то прошу сию минуту покинуть мою комнату. Сейчас же!

– Ого! Да наш Лермонтов осмелел! А если я не хочу покидать твою комнату, а? Что, вызовешь меня на дуэль? Если мне не изменяет память, а она мне не изменяет – в отличие от твоей, все рифмоплётчики ничего не смыслили в дуэлях.

– Есенин, пойдёте отсюда! – Сократ попытался пройти мимо гостя, но тот загородил ему дорогу рукой, а потом вцепился ей Сократу в бороду и с силой дёрнул. Старик вскрикнул от боли и оттолкнул обидчика.

– Вы что себе позволяете, мерзавец?

– Абракадабра! Трах-тибидох! – подняв руку с волосами из бороды Сократа на уровень глаз, торжественно проговорил гость. – Хочу... чтоб... поганый Хоттабыч подох!

Он ликующе переводил взгляд с Сократа на меня. Я был настолько поражён, что не мог вымолвить ни слова. Сократ, видимо, тоже.

– Что же это такое?! – с притворным огорчением протянул незнакомец и бросил клочок бороды на пол. – Хоттабыч, ты – шарлатан!

– Я... буду жаловаться Гиппократу, мерзкий вы человек! – чуть не плача, пробормотал Сократ. – Я всё ему расскажу!

Мерзкий человек почесал нос, гадко улыбнулся и ответил:

– Серьёзно? Ну что же, милый ты мой старикашка, пойдём вместе, прямо сейчас! Расскажешь ему обо мне, какой я мерзавец, ну и прочее, но, боюсь, мне придётся защищаться, – он вздохнул. – Да, придётся сказать нашему главному шиззику, что старикан снова принялся за своё! Мне, конечно, очень не хочется сдавать своего товарища в лапы науке, но... Коли нет другого выхода...

Сократ был зол и испуган одновременно – это легко читалось на его лице.

– Никуда я с вами не пойду, наглец вы этакий!

– Довольно! – я решил положить этому конец и встал с кровати, глядя незнакомцу прямо в его нагло смеющиеся глаза. – Не знаю, чего вы добиваетесь, но у вас ничего не выйдет! Прочь с дороги!

Я решительно оттолкнул его, пропустил вперёд Сократа, напялил сандалии, и, выходя из комнаты, бросил последний взгляд на гостя. Он скорчил гримасу, изображая кролика, и подмигнул мне. Я ничего не сказал и отправился догонять старика. Он ждал в коридоре неподалёку от комнаты и, увидев меня, махнул рукой, чтобы я следовал за ним. Потрясённый произошедшим до глубины души, я молча шёл по узкому коридору, устланному длинным мягким ковром. Здесь, как и у меня в комнате, приятно пахло деревом. Сократ открыл дверь в конце коридора. "Гостиная", – машинально определил я, когда мы проходили через большую комнату с двумя мягкими диванами, по бокам которых стояли высокие светильники, и несколькими креслами. Широкие окна были занавешены лёгкими бежевыми тюлями.

Сократ открыл следующую дверь, и мы оказались в прихожей – прямо напротив нас был парадный вход. Слева и справа я увидел такие же двери, как и та, которую мы только что открыли. Старик заметил моё любопытство и сказал, показывая на правую от себя дверь:

– Там кухня. А там – библиотека и лестница на второй этаж. Хотите взглянуть?

– Нет, пожалуй, позже.

– Как пожелаете.

Он потянул на себя массивную чёрную дверь, и мы вышли на улицу. Точнее, на просторную прямоугольную террасу, опоясанную перилами из резных балясин, с высоким ромбовидным крыльцом посередине. Слева от крыльца стояло кресло-качалка, справа – длинный стол, а вокруг него – диванчики и кресла со съёмными белыми сиденьями и подушками. Вся мебель, включая стол, была плетёной. Я, хотя и был взволнован произошедшим в моей комнате, в очередной раз удивился необычайной красоте, окружающей меня. "Но должен ли я удивляться? – сказал я себе. – Я ведь очень богат, значит, привык к подобной роскоши". Коттедж – по крайней мере, с этой стороны – окружали толстые лиственницы и сосны, пронзающие тоскливое небо. От подножия крыльца брали начало три хорошо утопанные тропинки или, быть может, правильнее сказать, дорожки, учитывая их ширину. Одна из них вела прямо в лес, до которого было метров двадцать, не больше; вторая уходила правее и сначала тянулась вдоль опушки, но затем тоже скрывалась в чаще; третья предлагала пойти налево, куда-то за коттедж. Сократ уже начал спускаться с крыльца, но я его остановил.

– Пойдите, Сократ.

Он обернулся и выжидающе уставился на меня.

– Кто это был?

– О, мой друг, это подлец! Гадкий, жалкий...

– Это я понял, – перебил я старика. – Кто он такой?

– Мы зовём его... – он замаялся, видимо, сомневаясь, стоит ли ему это говорить и тем самым нарушать запрет Златовласки. – Мы... а, да какая разница теперь! Мы зовём его Шапокляк.

– Это же вроде бы женское имя? – усмехнулся я.

– Ну да. Зато оно лучше некуда отражает его сущность. Некоторым больше нравится Чёрт или Червь, а также Паразит, Козёл, ну и... Однако я не стану озвучивать всё, хотя он и заслуживает.

– Понятно. Он тоже пациент? Чем он болен?

– Да, пациент. Он живёт в соседней с вами комнате. Однако чем он болен, никто не знает. Лично мне кажется, что ничем, – раздражённо сказал Сократ и зажал рот ладонью.

– Почему же он так себя вёл?

– Он всегда так себя ведёт, Есенин. Наверное, желание унижить другого у него в крови. Поэтому никто его здесь не любит. Все люди как люди, культурные, вежливые, только он один такой.

– А что Гиппократ со Златовлаской?

– Что?

– Они знают о его поведении?

– Ах, вы об этом... Да, знают. "Мы не посягаем на свободу мыслей и мнений", – он облокотился на перила и весьма похоже передразнил завораживающий голос Златовласки, что выглядело довольно сюрреалистично. – Понимаете, Есенин, в "Солярисе" есть два основных закона. Первый: ты можешь говорить и думать что угодно. Можешь ругать и обзывать даже Гиппократа, если хочешь. Однако второй закон ограничивает силу первого: свобода влечёт за собой ответственность. Под этим подразумевается неприемлемость физического насилия, в том числе по отношению к себе. Попытки убежать приравниваются к применению насилия.

– Очень интересно. Златовласка говорила мне об этом. Вроде как Гиппократ определяет наказание?

– Да. Всё зависит от... Однако всё это мне известно только в теории. Я ещё ни разу не нарушал закон и не видел, что бывает с тем, кто его нарушил. Хотя мне приходилось видеть, как уводят виновника.

– Уводят? Куда уводят?

Сократ посмотрел по сторонам и прошептал:

– В лабораторию.

– В лабораторию?

– Тихо, друг мой! Потом... – и он снова заговорил нормально. – Так вот, его увели в изолятор прямо из комнаты. Насколько мы поняли, он хотел покончить с собой. Это было ужасно. Помощники связали ему руки за спиной и заткнули рот кляпом, однако ноги у него были свободны, он ими и лягался, пытаясь вырваться... Жутко стонал и хрипел. Как, прошу прощения, животное, которое ведут на смерть.

Он замолчал, явно подавленный этим воспоминанием.

– А что было дальше?

– Дальше? Ничего. Примерно через месяц он вернулся.

– Он что-нибудь рассказал?

– Нет. В изоляторе у него случился приступ. Но вернулся он иным человеком.

– Что значит иным?

Сократ задумчиво погладил бороду.

– Сложно объяснить, Есенин. Вроде тот же человек, однако что-то в нём не так. Чего-то... не хватает.

– А я? Изменился или нет? – посмотрел я ему в глаза.

Он спокойно встретил мой взгляд и ответил:

– По-моему, нет. Но ведь вы и не были в изоляторе.

– Вероятно, когда-то был. Златовласка сказала, что я несколько раз пытался кого-то убить и покончить с собой.

Сократ недоверчиво хмыкнул, но ничего не сказал и уткнулся взглядом в пол.

– Странно всё это, – пробормотал я, постукивая пальцами по лбу.

Внезапно мою голову пронзила острая режущая боль. Всё превратилось в сплошной бесцветный туман. Я попытался сдвинуться с места, но не смог даже пальцем пошевелить. Голову как будто резали изнутри раскалённые ножи. И вдруг, так же внезапно боль прекратилась. Мир снова обрёл чёткие очертания. Я стоял на том же месте. Сократ так и не поднял глаз, и, видимо, ничего не заметил.

– Да, – еле слышно произнёс он.

– Что? – не понял я.

– Странно.

– А, да.

Он повернулся лицом к лесу и в очередной раз погладил бороду.

– Позвольте мне задать вам один вопрос, друг мой.

– Пожалуйста, спрашивайте.

– Кто, по-вашему, более безумен: тот, кто бежит от реальности или тот, кто идёт ей навстречу? Подумайте, я вас не тороплю.

Я задумался, к своему удивлению обнаружив, что приступ боли не повлиял на мою способность ясно мыслить. Вопрос меня заинтересовал.

– По-моему, всё зависит от реальности. Если она враждебна человеку, то разумнее всего... Но куда убежишь от реальности? Либо в небытие, либо в другую реальность, например, в книги, где жизнь прекрасна, или в мечты о другом мире, то есть о другом себе. Прошу прощения, но ваш вопрос сформулирован так, что на него нельзя ответить однозначно.

Сократ грустно улыбнулся.

– А на какой вопрос можно ответить однозначно? Однако, хорошо, я уточню. Если всякая реальность враждебна человеку – а так и есть, – то кто более безумен: бегущий от неё в небытие или идущий ей навстречу, принимающий её, готовый смириться с ней?

– Иными словами, кто разумнее: самоубийца или живущий? Правильно?

Он кивнул.

– Грубо говоря, да.

– А почему вы спрашиваете?

– О, меня очень интересует данный вопрос, друг мой! Хочется услышать ваше мнение.

– Хм. Мне кажется, всё зависит от реальности, от того, насколько она враждебна, насколько она невыносима. Если нет ни малейшего шанса что-то исправить, то, конечно, разумнее убить себя, чем мучиться. Но ведь шанс – или хотя бы иллюзия шанса – есть всегда. И всё-таки вы снова сформулировали вопрос так, что однозначного ответа не дашь. И что значит более безумен, разумнее? Это ни о чём не говорит. Кто сильнее – вот что лучше спросить. Сильнее тот, кто борется с реальностью, не убегая от неё.

– Мне понятна ваша точка зрения, мой друг. Но как знать, вдруг этот ваш сильный, борющийся с реальностью просто-напросто близорук и не видит того, что видит слабый? Что, если этот сильный недалеко ушёл от животных? Они именно так и живут: борются с реальностью, не убегая от неё.

– Животные не борются, они просто принимают реальность, потому что не могут иначе. Однако...

"Тьфу ты! – ругнулся я про себя. – Заразился".

– Вы меня не поняли, Сократ. Я не имел в виду наивных глупцов или людей, живущих инстинктами. Слепота – это, быть может, и сила, но сила звериная. Она не способна изменить реальность, она и не хочет её менять. Как бы это сказать... Волк не спрашивает себя, хороша ли реальность, в которой он живёт. Он просто живёт. Он слился с этой реальностью. Что?

Слушая меня, Сократ качал головой и улыбался, и в конце концов я сбился.

– О, прошу прощения, дружище, я не хотел вас перебивать! Однако я несказанно удивлён, что вы так хорошо мыслите сразу после приступа. Прошу вас, продолжайте.

– Так вот. Разница между силой звериной и духовной в том, что духовно сильный пытается изменить реальность, прекрасно понимая, что в случае неудачи *ego* реальность может стать ещё хуже, чем была. И если так и случается и шансов не остаётся, он не сопротивляется. Возьмём, к примеру, Сократа – я имею в виду настоящего, – уточнил я, и старик хмыкнул, – и Иисуса. Когда они поняли, что реальность оказалась сильнее, то признали своё поражение и тем самым одержали над ней победу. Я бы сравнил их казнь, особенно казнь Иисуса, с детонатором, который привёл в действие заложенный ими в учениках словесный динамит. Или, если хотите, то был не динамит, а чума замедленного действия. Уверен, что если бы Иисус попытался избежать распятия, мы жили бы в другом мире. И Сократ, самолично принявший яд, возможно, положил начало концу старых порядков. Вряд ли они пошли на смерть, потому что знали, что это перевернёт мир. Быть может, они надеялись на это, но в конечном итоге причиной их покорности стало отсутствие страха перед смертью. Животное же всегда сопротивляется, оно не может иначе.

– Великолепно, Есенин. Вы, безусловно, в большей степени, чем я, заслуживаете зваться Сократом, – уже не улыбаясь, сказал Сократ. – Однако нам пора в столовую. Не возражаете, если сначала мы пообедаем, а уж после я покажу вам всё остальное?

– Нисколько. Признаться, я малость проголодался. Надеюсь, кормят здесь хорошо.

– О, об этом не беспокойтесь! Наши повара отлично справляются. Вот только... – он раздосадованно махнул рукой и замолчал.

– Что только?

Он снова махнул рукой и начал спускаться с крыльца. Мне ничего не оставалось, как последовать за ним.

Глава 3

Остановившись у развилки, Сократ кивнул на правую дорожку и сказал, что она ведёт к коттеджу Гиппократы, в котором тот жил вместе со Златовлаской и помощниками. Нам же, чтобы попасть в столовую, нужно было идти прямо. Перед тем, как войти в лес, я оглянулся на коттедж: снаружи он смотрелся не менее привлекательно, чем внутри, даже более, он как будто излучал какое-то тепло, так что при взгляде на него меня охватило чувство умиротворения – не совсем уместного, учитывая обстоятельства.

Из дальнейшего разговора я узнал, что территорию Солитариуса как бы делит на две части река: «Не очень широкая, но местами достаточная глубокая, чтобы утонуть», – то ли пошутил, то ли нет Сократ. В одной части – нашей, как выразился старик, находились, помимо жилых коттеджей, столовая, две бани – женская и мужская, так называемая зона отдыха: небольшой кинотеатр, дом искусств и «практически никому не нужный» спортзал. А в другой – «их» – коттедж Гиппократы, домики привратника и другого обслуживающего персонала, изолятор, а также домик для гостей, где пациенты встречались с родственниками. Через речку были перекинута два моста: один – неподалёку от столовой, вёл к изолятору, второй – к жилищу Гиппократы.

Минут через десять нам встретилась узенькая тропинка, приглашающая свернуть налево, «к женщинам». Тут же стояла шестигранная деревянная беседка – «на случай, если дождь застанет в пути». Сам путь постоянно петлял и иногда вынуждал нас преодолевать неглубокие овражки, в одном из которых бил слабый родник.

Чем дальше мы шли, тем лес становился гуще. По обочинам рос орешник и ещё какие-то кустарники, а в одном месте мне на глаза попался цветущий малинник. К соснам и лиственницам добавились ели, берёзы и молодые дубы. Они встречались и раньше, но здесь их было гораздо больше. Я смотрел по сторонам и чувствовал, как во мне пробуждается нечто вроде радости, хотя поводов для радости, в общем-то, у меня не имелось. Но как можно было думать о чём-то плохом, когда птички ласкали слух одами жизни, от терпкого хвойного запаха приятно кружилась голова, а небо неожиданно заулыбалось? И всё же не думать я не мог.

– Послушайте, Сократ, – сказал я, – а вам не кажется странным, что здесь всего два врача? Как вообще они нас лечат?

– Два врача? О нет, мой друг, врач здесь один – Гиппократ, да и тот... Бестия скорее медсестра, чем врач, – мне послышалось в его голосе злорадство. – Что касается лечения, формально нас никак не лечат. Никаких лекарств, никаких обследований, ничего такого. Однако...

Он жестом поманил меня к себе и, когда я подошёл, зашептал мне прямо в ухо:

– Я уверен, что они добавляют что-то в пищу. Возможно, что и в воду. Не спрашивайте, я не знаю что и как это на нас влияет. А в изоляторе, по-моему, они проводят какие-то эксперименты. Пока у меня нет никаких доказательств, но я обязательно их найду.

Я выпрямился и посмотрел ему в глаза: они как-то странно блестели. «Всё-таки он действительно болен», – подумал я, а вслух сказал:

– Я вспомнил, что Златовласка сделала мне укол, когда я только очнулся. Вы говорите, никаких лекарств?

– Ах, это. Да, после приступа они что-то вкалывают нам. Кажется, обезболивающее.

– Понятно. Далеко нам ещё идти?

– Почти пришли.

– А здесь водятся какие-нибудь животные?

– Говорят, что олени есть, лоси, кабаны, однако лично я видел только зайцев и лис. Хотите поохотиться?

– Нет, что вы. Зачем убивать без нужды?

– Вы правы, мой друг, незачем. Однако человечество во все времена, не считая первобытности, только этим и занималось, и я не об охоте. Вот вы говорили, что духовная сила способна изменить реальность. Может быть, и способна, но до сих пор она мало что изменила. Победил не Иисус, а звериная сила в лице церкви.

– Тем не менее первые шаги сделаны. Человечество постепенно отказывается от ненужного насилия. Это долгий и болезненный процесс. Эволюция. Ребёнок в первые годы жизни не понимает, что хорошо и что плохо. Он мучает кошку из любопытства, он не знает, что ей больно, в нём нет сострадания. Как говорил настоящий Сократ, зло – это незнание добра.

– Вы – оптимист, Есенин.

– Пожалуй.

– Однако я не верю, что человечество сможет жить без насилия.

– Почему? Вы, например, можете?

Тем временем дорожка вывела нас на большую поляну, пестрящую разнообразными цветами, названий которых я не знал или не помнил, если не считать ромашек и одуванчиков. На противоположном краю стоял продолговатый бревенчатый домик с двускатной крышей из деревянной черепицы, а рядом с ним – открытая веранда.

– Вот и пришли, – Сократ так и не ответил на мой вопрос. – Неплохо, правда?

– Да, очень красиво. Сказочный пейзаж.

– Видите, там, за столовой, деревья? Это, так сказать, фруктовый сад, а за ним теплицы и парники.

– Здорово. И что там растёт?

– О, много чего, друг мой! Экзотики, правда, нет, но она нам и ни к чему.

Мы поднялись по ступенькам на крыльцо и вошли внутрь. Столовая оказалась небольшой, зато весьма уютной. Безжалостно – в хорошем смысле – пахло едой. «Оставь печали, всяк сюда входящий» – само собой перефразировалось у меня в голове, пока я смотрел на двухместные деревянные столики, расставленные без соблюдения какой-либо симметрии.

Обедали четверо. Две женщины, одна из которых, черноволосая, сидела за столиком в дальнем углу спиной ко входу и торопливо поглощала пищу. Другая женщина, занимавшая столик ближе к выходу, не первой молодости блондинка с невероятно грустным выражением лица, одетая в ярко-жёлтое платье, вяло ковырялась деревянной ложкой в деревянной тарелке. Когда мы вошли, она подняла глаза, кивнула и вернулась к своему занятию.

Возле широкого окна, в котором я разглядел ветку с крупными краснобокими яблоками, сидели двое мужчин примерно одного возраста, лет сорока. Один из них, крепкий длинноволосый брюнет в белой футболке, был очень похож на грека. По крайней мере, мне почему-то показалось именно так. Он заметил нас и что-то сказал своему сотрапезнику, худому тёмнорусому парню в красной рубашке с длинным рукавом. Тот обернулся и помахал нам рукой. Я нерешительно кивнул в ответ и бросил взгляд на Сократа. Он улыбнулся и тихо сказал:

– Никого не вспомнили?

– Нет, – пожал я плечами.

Мы подошли к окошку раздачи, Сократ облокотился на выступ и громко произнёс:

– Добрый день!

Я тоже заглянул в окно и увидел полную женщину в белом халате с красным колпаком на голове. Она что-то ела, сидя вполборота к нам.

– Чего раскричался? Глухих нет, – с явным раздражением сказала она, неохотно поворачиваясь к нам лицом.

– О, извините, – улыбнулся Сократ. – Не хотел вам мешать, но нам бы с товарищем...

– Я что, тупая? Поэт, что ли, очнулся? – посмотрела она на меня. – Проголодался небось?

– Ну-у, да, немного, – выдавил я из себя.

– Да не бойсь, Пушкин, не съем я тебя, – голос у неё был хриплый, неприятный. – Тощий чересчур.

Она громко и вульгарно рассмеялась. И вдруг, без всякого перехода, спросила:

– Как меня зовут?

– Э-э-э, простите?

– Тебе мозги отшибло вместе с памятью?

Я ошеломлённо смотрел на неё, не зная, что сказать. Сократ быстро зашептал мне в ухо:

– Не обращайтесь внимания, Есенин! Она так со всеми разговаривает, однако внутри это добрейшей души человек.

Повариха злобно посмотрела на него и наконец встала со стула.

– Ты чего это там ему нашёптываешь, дурень старый? Рассказал уже?

– Прошу прощения? – промямлил Сократ. – Я не пони...

– Всё ты понимаешь! Я что, по-твоему, совсем тупая? Не знаю, как вы меня все называете?

– Нам бы пообедать...

– Похожа я на корову, Пушкин? Говори! – напала она на меня.

– Нет, что вы, конечно, нет, – бессовестно соврал я.

– А на кого похожа?

– Э-э-э, я не могу так сразу, я же вас не знаю совсем.

– А ты смоги! Не то без обеда оба останетесь.

– Золушка, – выпалил я первое пришедшее на ум слово.

Она аж дар речи потеряла, услышав это, но через несколько секунд расхохоталась ещё громче, чем раньше.

– Золушка! Ну даёт, Пушкин! Вот сказанул так сказанул! Ладно уж, накормлю вас, хоть вы и опоздали, да к тому же и вруны все поголовно.

Корова, ворчливо посмеиваясь, огласила меню. Оно состояло из борща на первое и плова с бараниной на второе. К борщу прилагалась сметана и пампушки или чёрный хлеб, испечённый, о чём я узнал позже, в здешней пекарне, к плову – лёгкие овощные салаты. Я попросил всего понемногу и чай. Сократ ограничился салатом из помидоров и огурцов и хлебом.

– На диете, что ли, старый? И чаю не хочешь? Давай хоть водички налью. Нет? Ну как хочишь. Вас, интеллигентов, не поймёшь.

Мы забрали подносы с едой и сели за ближайший столик. Я почувствовал себя немного не в своей тарелке, когда к нам подошёл махавший нам рукой парень.

– Мы рады вас видеть, Есенин, – тёплым голосом произнёс он и протянул мне руку, другой рукой небрежно откидывая со лба прядь густых волос.

– Добрый день, э-э-э... – я уже начинал проклинать Гиппократ за весь этот «идеизм».

– Не беспокойтесь, дружище. Успеете придумать мне имя, – сверкнул он белоснежными зубами. – По правде говоря, мне даже нравится эта неопределённость. Это как бы открывает простор для воображения, для игры.

– Понимаете, Есенин, – заметив мой растерянный взгляд, вмешался в разговор Сократ, – перед вами самый настоящий актёр, очень талантливый, однако непризнанный, насколько нам известно.

– Благодарю вас, отец, – прижав руку к сердцу, склонил перед ним голову актёр.

– Вы снимались в кино? – спросил я и вспомнил, на кого он похож.

– Мне бы хотелось так думать. Скорее всего, моя карьера только началась, когда меня постигло беспамятство. Я бы наверняка покорила миллионы зрителей, если бы не болезнь! Жаль, что здесь так мало публики. Разве двадцать человек могут в полной мере оценить мой талант!? Ах, проклятая жизнь! – печально и в то же время озлобленно воскликнул он, устремив взгляд в невидимую для нас даль.

– Знаете, я уже придумал вам имя, – вернул я его в реальность. – ДиКаприо.

В этот момент к нам присоединился второй незнакомец. Высокий, широкоплечий, мускулистый, с чёрными волосами до плеч, на фоне актёра он выглядел немного устрашающе. Услышав мои слова, он хлопнул ДиКаприо по плечу и прохрипел:

– Понял, Смоктуновский? Никакой ты не Смоктуновский и не Круз, ты – ДиКаприо.

Затем он дружелюбно улыбнулся и протянул мне руку.

– Привет, Есенин! Я – художник. Называй как хочешь. И давай сразу на ты. Все свои. Хм, почти все, – ухмыльнулся он, вспомнив, видимо, о Шапокляке.

«Хоть один додумался облегчить мне задачу», – благодарно подумал я.

– Привет... Малевич?

– Малевич так Малевич. Всё равно всё это глупости, – махнул он рукой и как бы нехотя добавил: – Так ты меня и называл.

– Господа, однако это нечто... – неторопливо проговорил Сократ, и я перевёл взгляд на него. Он явно был взволнован, хотя и пытался скрыть это. – Есенин демонстрирует нам нечто из ряда вон выходящее. Никто из нас не повторялся в именах. Нет, бывали совпадения, конечно, однако то были единичные случаи.

– Значит, вы и раньше были ДиКаприо? – обратился я к актёру.

– Да. Но скажу вам честно: я не в восторге от этого имени. ДиКаприо, положим, не совсем бездарен, но до вершин актёрского мастерства ему вовек не доползти! То ли дело...

Меня всё это уже порядком утомило, и я его перебил:

– Что ж, извините, просто мне показалось, что вы на него похожи внешне. В актёрском мастерстве я разбираюсь так же, как баран в новых воротах.

– Нет, вы не подумайте, Есенин, я вовсе на вас не обижаюсь! – он в очередной раз отбросил со лба съехавшую прядь и расплылся в улыбке.

– Ладно, Смоктуновский, пойдём. Не будем мешать людям обедать, – решительным тоном сказал Малевич и подтолкнул ДиКаприо к выходу. – Приятного аппетита, господа!

– Да, приятного. После поговорим. Вы, кстати, чем собираетесь заняться после обеда? – скороговоркой спросил актёр.

– Ну, я хотел прогуляться по территории, – ответил я, глядя на Сократа. Тот кивнул.

– Обязательно заходите в кинозал через пару часов. Мы собираемся смотреть...

– Всё, Смоктуновский, пойдём, дай людям поесть!

– Всё, уходим. До встречи, господа!

Они ушли, и я вздохнул с облегчением.

– Устали, друг мой? – сочувственно произнёс Сократ. – Первый день после приступа все переносят тяжело.

Черноволосая женщина, сидевшая в дальнем углу, встала из-за стола и царственной походкой направилась к выходу. Она была молода и красива, но правильные черты её лица искажало какое-то ожесточение. Чёрные глаза её смотрели враждебно, властно, презрительно, как будто весь мир принадлежал ей. Они скользнули по мне как по пустому месту, а Сократ не удостоился и этого. Одета она была в чёрную майку и светло-голубые джинсы. «Платье подошло бы ей больше, – невольно залюбовавшись, подумал я и проводил её взглядом до выхода. – Амазонка».

Грустная блондинка ещё не ушла. Несколько бессознательных секунд я изучал её спину: казалось, что на неё навалился какой-то тяжёлый груз, и она превратилась в знак вопроса. Как будто сам воздух вызывал у неё сомнения. Как будто...

Сократовское «хм» вырвало меня из пучины мыслей. Я повернулся к нему.

– Странная женщина, – поглаживая бороду, очень тихо сказал он.

– Да, я заметил. Что с ней?

– Не знаю, с мужчинами она почти не разговаривает, а другие женщины не хотят ничего рассказывать. Надо полагать, потому, что сами ничего не знают. Однако мне кажется, что её высокомерие – природное.

– Высокомерие? Вы о ком?

– О женщине, которая сейчас прошла мимо нас.

– А я о нашей соседке.

Сократ растерянно улыбнулся.

– Однако... Её тоже можно назвать странной.

– Думаю, мы все здесь странные, просто некоторые немного страннее.

– О, вы абсолютно правы, мой друг! Я вовсе не против странностей. Напротив, считаю, что они гораздо ценнее всякой обыкновенности.

– Согласен. Что ж, давайте проверим, правильно ли я вспомнил их имена, – я вдруг загорелся любопытством и заодно решил кое в чём убедиться.

– Так вы уже придумали?

– Да. Начнём с черноволосой. Я назвал её Принцессой, – пристально глядясь в Сократа, сказал я.

Его морщинистое лицо, уже готовое выразить восторг, вытянулось. Блеск в глазах потускнел. Старик явно был разочарован.

– О, друг мой! К сожалению, вы называли её иначе. Очень жаль.

– Что ж, не судьба, – вздохнул я. – А как я её называл?

– Амазонка.

Я ожидал это услышать и потому не особо удивился.

– Ясно. А эта девушка... – движением головы показал я себе за спину. – Несмеяна.

Сократ недоумевающе погладил бороду.

– Однако, странно... Что же получается?

– Так что? Верно?

– Да. Почему же вы ошиблись с Амазонкой?

– Понятия не имею.

Я не стал говорить ему, что никакой ошибки не было. Во-первых, потому что мне не хотелось быть пищей для размышлений. Во-вторых, в голову мою проникла параноидальная мысль, что об особенностях моего мозга, благодаря которым всплыли в памяти все имена, никто не должен знать, особенно Гиппократ.

Глава 4

Когда мы покидали столовую, Несмеяна всё ещё ковырялась ложкой в тарелке, словно пыталась там что-то отыскать. Судя по всему, она с головой погрузилась в какие-то размышления и забыла о реальности.

– Так, друг мой, куда отправимся в первую очередь? – поинтересовался Сократ, когда мы вышли на крыльцо.

– А что, у нас есть выбор? Дорога-то одна.

– Чуть дальше будет поворот на зону отдыха.

– В таком случае пойдёмте туда. Лишь бы успеть до шести.

– О, у нас полно времени, друг мой! Если нигде не задерживаться, успеем обойти всю территорию. Можем начать с женского коттеджа, если хотите. Правда, тогда нам придётся сделать небольшой крюк.

– К женщинам, пожалуй, мне идти незачем, разве что посмотреть на коттедж. Но если крюк, то как-нибудь в другой раз, – сказал я, спускаясь с крыльца.

Небо окончательно избавилось от грусти и ослепительно улыбалось миру, а мир цвёл и благоухал, ни о чём не задумываясь. Мне пришло в голову, что лучше быть цветком или деревом, нежели человеком. Или животным. Слиться с природой, с миром – это и значит смириться, это и есть счастье. Вся природа счастлива, то есть бессознательна. Почему бы и человеку не стать частью природы? «Ибо не ведают, что творят...» – вспомнилось мне. Ах, если бы это действительно было так, если бы мы не ведали!

Дорожка снова вступила в лес. Метров через десять я увидел поворот налево и вопрошающе оглянулся на Сократа. Старик кивнул. Я свернул и почти сразу же наткнулся на ещё один поворот налево, но на сей раз в виде тропинки.

– Там женский коттедж, – сказал старик. – Отсюда примерно десять минут ходьбы. Не передумали?

– Нет. Как-нибудь в другой раз.

– Как скажете, друг мой.

Не знаю, чем руководствовались проектировщики “Солитариуса”, разделяя все строения приличными расстояниями, но мне это нравилось. Было в этой разделённости, в этой уединённости что-то интимное, что-то по-настоящему уютное, чего так не хватало внешнему миру, всем этим человеческим муравейникам и ульям, построенным для... Для чего? Для того, чтобы муравьи и пчёлы трудились и плодились вдвое быстрее? Они суетятся, ведомые жаждой потреблять как можно больше. Купить то, купить это – порой даже не желая, но ведь нужно выглядеть приличным, то есть быть как все...

Что-то мне подсказывало, что я жил в одном из таких муравейников. Но ничего конкретного не вспоминалось, только общая информация. Информация...

– Здесь есть телевизоры, газеты, интернет? – спросил я у Сократа.

– Зрите в корень, друг мой. К сожалению, здесь нет ничего, что связывало бы нас с миром, кроме газет, – он нахмурился. – Мы получаем по газете в конце каждого месяца.

– Но ведь мы смотрим кино, не так ли? Оно откуда-то должно браться!

– Кино привозят со всем остальным.

– Какая-то связь всё равно должна быть. Телефон, например.

– Наверняка у Гиппократы есть телефон или рация, однако нам он об этом не говорит.

– Понятно. А что за газета?

– О, название у неё отнюдь не говорящее! – с грустью произнёс Сократ. – «Правда».

– У вас сохранился экземпляр за прошлый месяц? Я хотел бы посмотреть.

– К сожалению, нет, друг мой. Может быть, в библиотеке есть... Однако ничего полезного вы там не найдёте. Ничего, что могло бы пролить свет на наше местонахождение. Вот и так называемая зона отдыха. Не знаю, кто придумал это дурацкое название, но оно прижилось.

Я и сам увидел просвет впереди. Дорожка пошла под откос, и вскоре мы вышли на большую прогалину. Посередине её противоположного края высилось двухэтажное деревянное здание, а в углах ютились два гораздо более скромных строения. Сократ объяснил, что угловые дома – это спортзал и кинотеатр, а в здании, которое все называли домом искусств – несколько комнат: музыкальная комната, танцевальный зал, мастерская художника, швейная мастерская и общий зал.

– Значит, среди нас есть музыканты, швеи и танцоры? – спросил я.

– Да. Однако в единственном числе, дружище. Музыкант, танцовщица и модельер, она же швея. Половина Солитариуса носит её творения. Это тоже её рук дело, – улыбнулся он, показывая на свой костюм. – И ваша одежда тоже.

Я посмотрел на свои чёрные спортивные штаны и футболку.

– Мне нравится. Простая и удобная одежда.

– Да, она – мастер своего дела. Хотите зайти в спортзал? – Сократ дёрнул головой в сторону длинного низкого здания, к которому мы как раз подходили.

– Нет. Мне сейчас не до физических упражнений, – улыбнулся я.

– Понимаю. Сюда иногда заходит Ван Гог и, насколько мне известно, Железная Леди, ну, та, что в столовой была. Я так называю её про себя. По-вашему, Принцесса или Амазонка.

– Думаю, Амазонка более подходящее прозвище.

– Это вам решать, Есенин.

– Так... Музыкант – мужчина? – мысленно обозначив его как Моцарт, спросил я.

– Да, примерно ваших лет.

– Лет тридцать, значит... На чём он играет?

– На фортепьяно. Если желаете, я вас сейчас познакомлю. Он наверняка здесь. Да и модельерша тоже должна быть здесь. Эти двое вечно забывают пообедать.

Мы подошли к дому искусств, который почти вплотную опоясывало несколько рядов высоченных голубых елей, посаженных, судя по всему, человеческими руками. Если говорить точнее, опоясаны были одноэтажные боковые пристройки, тянувшиеся в ширину, а не главное здание – высокое, но довольно узкое. Мы поднялись на крыльцо. Сюда зачем-то поставили два маленьких дивана. Зачем-то?.. Я окликнул Сократа, который уже собирался войти.

– Сократ, подождите. Давайте присядем. Я хотел бы кое-что уточнить.

– О, мой друг... – как-то нерешительно проговорил он, оглядываясь по сторонам. – Я не уверен, что это подходящее место для разговора. Быть может, лучше на обратном пути?

«Допустим, за нами действительно следят, что, в общем, вполне логично, учитывая нашу опасную непредсказуемость. Но зачем подслушивать? И каким образом? Глупости какие-то, – подумал я, пристально взглядываясь в Сократа. – Но ведь настоящие параноики ведут себя иначе. Хотя откуда мне знать...»

– Не волнуйтесь, ничего такого я спрашивать не собираюсь, – сказал я и опустился на диван.

Старик вздохнул и присел напротив.

– Спрашивайте.

– Вы случайно не знаете, что означает «солитариус»? Это же латинское слово, если не ошибаюсь?

– О, я думал, вы спросили у Бестии.

– Нет, я ещё толком не очнулся и многое упустил. К тому же я подумал сначала, что мне снится сон.

– Кто знает, Есенин, может, вся жизнь – сон, – горько усмехнулся Сократ, – но это не означает, что она нереальна.

– Верить можно во что угодно, только легче от этого не становится. Всякая отдельная жизнь – это трагедия. Но Жизни – с большой буквы, – подчеркнул я, – нет никакого дела до этих трагедий: они для неё всего лишь удобрение, помогающее ей разрастаться, или, быть может, семена новой, доселе не существовавшей жизни. Быть может, Жизнь посредством человека пытается сотворить нечто более совершенное. Если это так, то что остаётся нам?

– Знаете, друг мой, ваша беда в том, что вы мыслите слишком глобально. Это может свести вас с ума, – с печальной улыбкой сказал Сократ. – Такой подход неизбежно ведёт к унынию и тоске, а они в свою очередь высасывают из человека волю, желания и надежды, озлобляют его, настраивают против жизни.

– Такой подход неизбежно ведёт к тому, что начинаешь жить, не оглядываясь на мораль и чужие мнения, принимая себя, любя себя как уникальность и презирая себя как часть общего. Но – довольно философии. Так вы знаете, что значит «солярис»?

– «Солярис» переводится с латинского как одинокий или уединённый, необщительный. Так сказал мне Гиппократ. Подходящее название, не правда ли?

– Да, пожалуй. Вы рассказывали о пациенте, который вернулся из изолятора другим. Кто он?

– Имени я вам назвать не могу, – извиняющимся тоном сказал Сократ. – Он шахматист. С утра до ночи над доской сидит, что-то разбирает. Иногда с кем-нибудь играет, однако недолго, потому что силы слишком неравны.

– И как он изменился после изолятора?

– Видите ли, раньше он был более разговорчивым. Любил размышлять вслух. А после изолятора полностью ушёл в себя и в шахматы. Нет, он разговаривает с нами, когда мы встречаемся, но как-то неохотно.

– Ясно. И это всё?

– Ну, в общем, да, однако, друг мой, на словах всё это выглядит не так странно как на самом деле, – усмехнулся он.

– А я видел, как его уводили?

– Нет. Кажется, вас посетило вдохновение, и вы ушли в свою комнату. Да, точно, вы ещё выразились как-то возвышенно. «О муза, ты как летний снег! Как небо, ставшее землёю!» Что-то вроде того.

– Прекрасно, – хмыкнул я. – Значит, когда его вели, он вырывался? Почему же ему ничего не вкололи?

– Не знаю, друг мой. Может, и вкололи, но не подействовало, – пожал он плечами.

– Так, давайте-ка с самого начала. Где вы находились и кто ещё был с вами?

– Мы сидели в гостиной: вы, я, Ван Гог и Смоктуновский. Потом вы ушли, Смоктуновский начал разыгрывать сцены из «Братьев Карамазовых», и я вам скажу, играл он великолепно. Через некоторое время появились помощники. Они направились на второй этаж. Мы поняли, что что-то случилось. Спустя пять минут они спустились с шахматистом. Вот и всё, друг мой.

До меня наконец кое-что дошло. И это мне, мягко говоря, не понравилось.

– Но... как они узнали? – прошептал я.

– О, мой друг! Наконец-то вы поняли, – тоже шёпотом ответил Сократ.

– Что понял?

– Как что? Очевидно, что в наших комнатах установлены скрытые камеры и подслушивающие устройства.

– Думаете?

– А как ещё объяснить тот факт, что они так быстро узнали о попытке суицида?

– Да, пожалуй, других объяснений нет. Но ведь это вполне логично, разве нет? Мы потенциально опасны друг для друга и для себя. Стоит ли удивляться тому, что руководство следит за нами?

– Я знал, что вы так скажете. Да, выглядит это как забота, однако меня не покидает чувство, что всё гораздо хуже.

– Да, кстати, а как они доставили шахматиста в изолятор? Ах да, на квадроцикле. Хотя... – засомневался я, представив подобную поездку. – Но не пешком же?

– О, конечно нет! У них есть аэромобиль, транспорт будущего...

Голова моя внезапно взорвалась, и я ослеп. Мир стал похож на полотно, в которое взбесившийся художник выплёскивал все краски, что были у него под рукой. Боли я не чувствовал, только лёгкое покалывание. Голос Сократа вырвал меня из смазанной реальности.

– ...сейчас они очень дорогие, но когда-нибудь это чудо техники станет общедоступным.

– Ничего себе! Серьёзно? – изумлённо воскликнул я, надеясь, что старик ничего не заметил. – Не знал, что аэромобили существуют в реальности. Как они работают?

– О, я в этом не очень-то разбираюсь, друг мой, – виновато улыбнулся мой собеседник. – Кажется, в них встроены двигатели нового типа или что-то такое. Вам лучше спросить об этом у нашего учёного.

– Учёного?

– Да. Видите, какая компания здесь собралась? Все до единого – люди необыкновенные.

– Златовласка что-то говорила об этом. «Мы не лечим безнадежных людей» – кажется, так она сказала. Кстати, Сократ, простите, я забыл спросить: чем занимаетесь вы?

– О, мой юный друг! – он погладил бороду. – Я – писатель. Пишу романы, повести, рассказы. Одну мою книгу, написанную здесь, даже напечатали.

– Здесь напечатали?

– Нет. Я дал почитать рукопись Гиппократу, и она ему так понравилась, что он предложил мне напечатать её. Я, конечно, согласился, почему бы и нет. В общем, Гиппократ отдал рукопись в какую-то типографию, и через месяц книга была напечатана. Однако, к сожалению, сам я этого всего не помню.

– Дадите почитать?

– Конечно.

– Что ж, пожалуй, вопросов у меня больше нет. Точнее, есть, но вы всё равно не сможете на них ответить. Теперь можно познакомиться с нашим Бетховеном и модельером, которую язык мой не поворачивается назвать иначе как Шанель.

Я поднялся на ноги. Сократ тоже встал и разочарованно посмотрел на меня.

– Вы называли его Моцартом, – произнёс он таким тоном, будто я его сильно обидел. – А Шанель – да. Мы все её так называем, наверное, потому, что никого, кроме Шанель, не знаем.

– Да? Жаль, что ваши надежды не оправдались. Ну, пускай будет Моцартом, какая разница. Да, вот ещё что. При вас отсюда кто-нибудь уезжал? Кто-нибудь вылезался?

– Хороший вопрос, Есенин. Как ни странно, да. За два месяца, что я помню, выписали, если можно так сказать, троих. Двух мужчин и одну женщину. Вы их, конечно, не помните. Первым уехал архитектор, друг Ван Гога, где-то через неделю выписали женщину-поэта – её, кстати, вы терпеть не могли, а стихи её называли беспощадной графоманией. А две недели спустя нас покинул мой коллега, Никулин. Мы так звали его потому, что он постоянно устраивал цирковые представления, комедию ломал. Весёлый был человек, однако писатель из него весьма и весьма средний, не буду лукавить.

– Ясно. Значит, не так уж всё и безнадежно?

– О, мой друг! Может, их и правда выпустили, однако я вовсе в этом не уверен, – прошептал Сократ.

– Почему же?

– Я знаю, что вы думаете, – в его голубых глазах ясно читался укор, – но я не параноик. Да, у меня нет доказательств, но что-то здесь не так, я чувствую.

– Не думаю, что вы – параноик, – соврал я.

Он как-то вымученно улыбнулся.

– Спасибо, друг мой.

В доме искусств царила глубокая тишина, и я решил, что он пуст, о чём и сказал Сократу. Он улыбнулся.

– Видите ли, Есенин, все комнаты здесь – звуконепроницаемые. Как бы там ни было, о нашем удобстве хорошо позаботились.

Я только хмыкнул в ответ.

Мы стояли в просторном холле, если, конечно, это был холл, а не какой-нибудь вестибюль или фойе. На стенах здесь висели картины в позолоченных рамах. Я подошёл к одной из них. На переднем плане двое молодых мужчин смотрели друг на друга с каким-то животным остервенением – было очевидно, что эти двое ненавидят друг друга. Светловолосый, стоявший слева со скрещенными на груди руками, был одет в потрёпанный чёрный свитер и грязные, местами прохудившиеся голубые джинсы. Белые кроссовки тоже были порядком изношены. Весь его облик говорил об отвращении к своему черноволосому врагу, который представлял с ним разительный контраст – правда, только в плане одежды: классический чёрный костюм, отполированные до блеска туфли. Но лицо его, искажённое ненавистью, выдавало то звериное, что он прятал под костюмом. Они стояли на подтаявшем снегу, чуть наклонившись друг к другу. Возможно, в следующее мгновение уже начнут грызть друг другу глотки. А на заднем плане, где зеленела трава, шли в направлении просыпающегося солнца мужчина и женщина. Они держались за руки.

– Пойдёмте, друг мой. Навестим нашего Чайковского, – сбил меня с мысли Сократ.

– Чья это картина?

– Все эти картины написали бывшие пациенты, – хмыкнул он. – Так нам сказали.

– Очень хорошая картина.

– Думаете?

– Хорошо, пойдёмте к Моцарту, – я решил вернуться к картине позже.

Дойдя до широкой спиралевидной лестницы, Сократ пальцем указал на потолок.

– Там общий зал. Мы иногда собираемся вместе.

– Зачем? – не понял я.

– Побеседовать, поделиться творчеством или мыслями, узнать новости.

Музыкальная комната находилась в самом конце левой пристройки. Сократ негромко постучал в массивную дверь, обитую неизвестным мне материалом, но никто не открыл. Старик постучал ещё раз, на сей раз гораздо громче, и потянул дверь на себя.

Комната оказалась не очень большой. В дальнем углу возле единственного окна приютилось чёрное пианино, за которым, забавно скрючившись, сидел человек. Солнечному свету преграждали путь плотные тёмно-коричневые шторы, поэтому здесь царил относительный полумрак. Музыкант, кажется, даже не услышал, что кто-то вошёл, и обернулся только на негромкое покашливание Сократа. Увидев нас, он широко улыбнулся и подошёл.

– Приветствую, Есенин, – протягивая мне руку, сказал он. – Мне сказали, что вчера вас снова настиг удар. Это правда?

Выглядел Моцарт вполне обыкновенно. Лёгкая чёрная рубашка с коротким рукавом подчёркивала его хрупкое телосложение. Ничем не примечательное лицо, растрёпанные тёмно-русые волосы, ростом чуть ниже меня, но вот глаза... В них явно было что-то ненормальное.

– Да, – я пожал ему руку.

– Здравствуйте, Толстой, – поздоровался он с Сократом. Я с трудом сдержал смехок.

– Очень жаль, – Моцарт снова повернулся ко мне, – ведь вы обещали написать стихи для моей музыки.

– Правда? – немного озадаченно спросил я. – Но... По-моему, музыка не нуждается в стихах, она вполне самодостаточна, разве нет? Да и стихи...

– Да-да, вы говорили то же самое, – он нетерпеливо перебил меня, – но я вам предложил – и вы любезно согласились – произвести маленький опыт. Проверить, насколько точно могут стихи отразить содержание музыки. Я понимаю, что это весьма наивно, и тем не менее...

– Это интересно. Проще говоря, я должен написать стихи по мотивам вашей музыки, преобразовать ноты в слова?

– Именно. Если не передумали, можем начать прямо сейчас.

– Признаться, я не уверен, что способен сейчас что-то написать, но я с удовольствием послушаю вашу музыку.

– Я вас вовсе не тороплю. Тем более что с первого раза полностью проникнуться музыкой вам вряд ли удастся. Итак, присаживайтесь, господа!

В комнате было два кресла – одно рядом с окном, второе возле двери, и несколько мягких стульев, стоявших в ряд у дальней стены. Я устроился в кресле поближе к пианино, а Сократ занял стул рядом со мной. Моцарт облокотился на пианино, как будто о чём-то задумавшись, и стоял так секунд десять. Затем присел и положил руки на клавиши.

Комната наполнилась мрачными торжественными нотами. То было торжество льда, сковавшего жизнь. Бесчувственность, бессознательность, бескрайняя пустота. Так звучало бы Ничто, если бы оно могло звучать. Но через несколько секунд я уловил в этом жутком холоде что-то вроде страха. Или это была робкая надежда? Показалось мне или музыка самую малость стала теплее? Нет, не показалось. Жизнь восстала! Ещё очень слабо, несмело исходил её голос из-под толщи льда, но он дарил надежду. Лёд понемногу терял власть над миром. Спустя какое-то время он начал потрескивать. Плавно, очень плавно менялась интонация. Шла борьба между жизнью и смертью, и жизнь с каждой нотой становилась всё сильнее. В стерильность Ничто проникло Солнце, и лёд треснул. Жизнь вырвалась на свободу! Теперь в музыке преобладали ноты надежды, пока ещё нерешительной радости. Они беспощадно заглушали торжественную мрачность своих захватчиков до тех пор, пока она окончательно не исчезла. Жизнь победила! Наступила весна, полная радостных предчувствий и жажды дарить. Сердце слишком богато любовью – ко всему. Слезы счастья, слёзы благодарности за возможность выплеснуть свою любовь в мир, за возможность вдыхать ароматы весны. Ах, как прекрасна жизнь! Как прекрасна весна! Музыка стала более страстной, жаркой, но вместе с тем более спокойной. Парадокс, но иначе не объяснить. Весну сменило лето: местами – знойное, и тогда музыка накалялась до предела и резко затихала на несколько секунд, погружая слушателя в царство сна; местами – дождливое и грозное, и комната наполнялась грозными, но благословляющими и величественными нотами. Вскоре в основной теме начала проступать еле уловимая грусть, нота за нотой превращавшаяся в лёгкую печаль. Осень. Радость ещё не покинула сердце, но уже ослабела. Лёгкая печаль плавно перетекла в чёрную тоску. Ах, проклятая жизнь! Почему ты так быстро уходишь? Хочется плакать от безысходности, от бессилия. Почему?! Проклятая жизнь... Тоска безжалостно разрывает сердце, и, в конце концов, в нём воцаряется безразличие – ко всему. Жить или умереть – не всё ли равно? В музыку проникли знакомые ледяные ноты. Через минуту они почти заглушили голос жизни. Бескрайнее белое пространство, а посередине – с каждой нотой уменьшающийся зелёный островок. Лёд одержал победу, но я знал, что эта победа была временной. Разве можно передать всё великолепие этой музыки словами? Не стоит даже и пытаться!

Моцарт повернулся к нам.

– Что скажете, господа?

– Прекрасно! – с чувством воскликнул я. – Это было бесподобно! Я даже не нахожу слов, чтобы выразить своё восхищение.

– О да! Великолепно! – взволнованно добавил Сократ.

– Благодарю вас, – Моцарт склонил голову. – Надеюсь, вы поняли, что данное произведение повествует не о временах года. Это было бы слишком примитивно.

Мне стало немного стыдно за то, что я воспринял музыку именно так. С другой стороны, у меня было слишком мало времени для более глубокого погружения. Как бы там ни было, я решил прибегнуть к полуправде.

– Честно говоря, сперва я так и подумал, но затем понял, что тут спрятана более глубокая мысль.

Моцарт лукаво улыбнулся.

– А вот и нет, Есенин. Я вас обманул. Это произведение так и называется: «Времена года».

Такого поворота я не ожидал и растерянно оглянулся на Сократа. Тот весело улыбался.

– Чайковский любит так шутить. Не слушайте его, друг мой. Однако хочу сказать, что понимание музыки не менее субъективно, чем понимание поэзии. Вы согласны, Чайковский?

Моцарт почесал тощую шею и ответил.

– Субъективно? Если вы имеете в виду, что поэзию и музыку каждый понимает как может, как умеет в меру своих способностей и возможностей, то да, я абсолютно согласен. Но музыка в отличие от поэзии безгранична. Если слова, скажем, «мороз и солнце; день чудесный», предполагают рамки, вне которых их понимать нельзя, то музыку, настоящую музыку, – поднял он вверх правый указательный палец, – а не современную, не стесняют никакие рамки. Я хочу сказать, что музыку можно толковать как угодно, и любое толкование имеет право на жизнь. А теперь, извините, господа, мне необходимо побыть в тишине. Есенин, подумайте пока над стихами, а завтра приходите снова.

Глава 5

Когда мы вышли от Моцарта, Сократ повёл меня было в швейную мастерскую, но я решительно отказался. Музыка ещё звучала во мне, и было бы кощунством заглушать её чем-то иным. Не хотелось мне заходить и в кинотеатр – по той же причине. И мы молча отправились в обратный путь. Возвратились на дорожку, с которой свернули неподалёку от столовой, и вскоре вышли к деревянному мостику в форме маленькой арки над мутной речкой с бурным течением. Почва здесь была каменистая, тут и там торчали из земли большие валуны, трава практически не росла, а по обоим берегам тянулись ввысь толстые кедр. То, что это именно кедр, а не что-то другое, я узнал от Сократа, сам я не отличил бы кедр от пихты, к примеру. Старик также сказал, что в реке полно всякой рыбы, которую ловят сетями здешние работники, а потом отдают поварам.

– Хм, – задумался я, – а по рыбе нельзя определить наше местоположение? Хотя бы примерное?

– Наверное, можно, однако среди нас нет знатоков, которые могли бы это сделать.

На том берегу дорожка превращалась в довольно-таки широкую дорогу и раздваивалась как латинская Y.

– Если хотите взглянуть на изолятор, то нам сюда, – кивнул Сократ на левое ответвление.

– А это не запрещено?

– О, мой друг! Я думал, вы поняли, что здесь ничего не запрещено. Кроме насилия.

– Но постойте, вы говорили, что Златовласка категорически запретила вам рассказывать мне о прошлом. Кстати, зачем ей это?

Сократ улыбнулся.

– Я иронизировал, друг мой. На самом деле она просила, а не запрещала. Что касается причин, вероятно, ей это нужно для того, чтобы понять, в каком состоянии находится ваш мозг.

– Да, это понятно, но! – продолжать я не стал, потому что меня осенило.

Каким образом Златовласка узнает, как вёл себя мой мозг? Ответ один. Ей – или Гиппократу – расскажет Сократ. А если она не узнает, то зачем ей вообще это понадобилось?

– Но? – явно заинтересовался Сократ.

– Но что это даст?

– Сложно сказать. Однако они уже долго наблюдают за вами, быть может, они знают что-то, чего не знаем мы.

– Возможно. Что ж, пойдёмте посмотрим на наш карцер.

Изолятор представлялся мне совсем иначе. Я ожидал увидеть бетонный забор с колючей проволокой, охрану и прочие атрибуты подобных заведений, но увидел очередной деревянный домик средних размеров. Только без окон. И это почему-то пугало, и пугало, пожалуй, сильнее колючей проволоки. Со всех сторон, не считая передней, к домику вплотную подступал густой лес. Дверь как дверь, ничего особенного, а вот ручка была необычная. Она представляла собой вырезанную из дерева человеческую ладонь. Как будто кто-то стоял за дверью и протягивал тебе руку сквозь неё.

– Здорово. Здесь всё построено из дерева? – спросил я у Сократа.

– Да. Я уже думал об этом. Либо «Солитариус» находится очень далеко от населённых пунктов, и в силу этого другие материалы доставить сюда сложно, либо Гиппократ просто решил, что дерево – наилучший вариант. Однако этих «либо» можно придумать великое множество, а правды мы так и не узнаем.

– Дверь, конечно, запёрта, а ключ лежит в сейфе Гиппократа, который охраняют вооружённые до зубов дуболомы?

– Шутите? – улыбнулся старик.

– Что ж, раз здесь разрешается всё, кроме насилия, то пойду-ка я проверю, – сказал я и направился к двери.

– Есенин, вы что, с ума сошли? – Сократ определённо перепугался.

– А что? – обернулся я к нему. – Вы же сказали, что можно всё. Или вы ввели меня в заблуждение?

– Нет, конечно, нет! Однако...

Он нахмурился и всё ещё испуганным голосом проговорил:

– Я бы вам не советовал. Но воля ваша.

Я молча кивнул и вложил свою ладонь в ладонь деревянную. Потянул на себя. К моему огромному удивлению, дверь поддалась. Я повернулся к Сократу. Он в недоумении гладил бороду.

– Вы со мной? – полушёпотом спросил я.

Тот молча покачал головой. Я усмехнулся. «Странно, параноик отказывается от возможности что-то узнать», – подумал я и открыл дверь.

Внутри было темно хоть глаз выколи. Шагнул вперёд, и тут по моей голове как будто ударили кувалдой...

Я лежал на земле возле двери. Перед моим лицом возникло до смерти перепуганное лицо Сократа.

– Друг мой, с вами всё в порядке?

– Кажется, да.

Голова не болела, не кружилась, и вообще не было никаких признаков того, что меня только что сильно ударили по голове.

– Что произошло? – спросил я и поднялся на ноги.

– Не знаю, я отвернулся, чтобы посмотреть за дорогой, не идёт ли кто. Мне не хотелось, чтобы кто-то видел нас здесь. А потом я увидел вас на земле и сразу подбежал.

Дверь была захлопнута. Я решительно потянул её на себя, но она не поддавалась. Дёрнул сильнее. Бесполезно. Она не открывалась. Тогда я забарабанил по ней кулаками.

– Эй, кто там внутри! Откройте! – разгневанно крикнул я. – По-вашему, это смешно?

– Дружище, нам лучше уйти отсюда, – тихо пробормотал Сократ. – Прошу вас, не кричите.

– Почему? Почему я должен кого-то бояться?

Я оставил дверь в покое, и мой гнев переключился на старика. Тот уже гораздо лучше владел собой.

– Бояться вы не должны, однако осторожность не навредит.

– Ещё как навредит! Я хочу знать, что здесь происходит. Я им не покорный подопытный кролик! – злился я.

– Пойдёмте отсюда, Есенин, пожалуйста.

– Никакой я не Есенин!

– Да, но всё-таки пойдёмте.

Я отвернулся от Сократа и заставил себя успокоиться. Присел на корточки и задумался. Как объяснить произошедшее? Допустим, там внутри кто-то есть. Но, во-первых, почему он сидит в темноте? Во-вторых, почему оставил дверь открытой, если не хотел, чтобы кто-нибудь вошёл? В-третьих, что он вообще там делает? В-четвёртых, если он оглушил меня, почему мне не больно? Я провёл по голове ладонью. Никаких следов удара. Бред какой-то. А что, если там никого нет? Допустим, когда я зашёл, со мной случился приступ, и я попятился и упал. А дверь... закрылась автоматически? Может, изолятор защищён от посторонних системой безопасности? Но тогда зачем оставлять дверь открытой? Непонятно.

– Почему вы не пошли со мной? – повернувшись, спокойно спросил я у Сократа. – Вы весь день убеждали меня, что здесь творится что-то странное, хотели найти доказательства, а когда представилась такая возможность, пошли на попятную. Почему?

– Простите меня, друг мой, я просто испугался, – опустил глаза, тихо произнёс старик.

Спустя несколько минут мы вышли к домику привратника. Он стоял на краю огромного, местами заросшего маленькими сосёнками поля, и выглядел как обычная деревенская избушка, на вид совсем новая, по крайней мере, спереди. Увидеть домик полностью мешал высоченный забор, примыкавший к нему с обеих сторон (слева избушку с забором соединяли широкие ворота). Этот забор поразил меня до глубины души. Толстые ровные брёвна с одинаково заострёнными верхушками, вкопанные в землю впритык друг к другу, высотой примерно метра четыре, смотрелись невероятно внушительно и аккуратно. Ни одно бревно не выступало из общего ряда, не было толще или тоньше остальных, не превышало заданной высоты – ювелирная точность. По ту сторону забора высились громадные сосны. Но больше самого забора меня поразила его протяжённость. Судя по тому, что он проходил через всё поле, а затем сворачивал направо, где скрывался за лесом, он обозначал границы Солитариуса. Златовласка же говорила, что территорию центра покинуть нельзя, но её слова стали до конца понятны мне только теперь. Странно, что Сократ, упоминая в своём рассказе привратницкую, ни слова не сказал о заборе... Я попытался прикинуть, сколько деревьев ушло на это безобразие, но сразу выбросил данную затею из головы. В конце концов, какое мне дело до этого?

– Насколько я понимаю, это непотребство охватывает весь периметр? – хмуро посмотрел я на Сократа.

– Вам не нравится? Разве это не прекрасно?

– Не вижу ничего прекрасного. Для чего было губить столько деревьев?

Он погладил бороду и улыбнулся.

– Всё великое требует жертв, друг мой.

– Что?! Вы это серьёзно? Великое? Вот *это* — великое?! Что великого в том, чтобы загубить несколько тысяч деревьев ради того, чтобы мы не сбежали?

– По-вашему, бетонный забор лучше? – нахмурился и Сократ.

– По-моему, лучше отсутствие забора. Вы не ответили на вопрос.

– Наверное, я не совсем точно выразился. Правильнее было бы: всё величественное требует жертв. Однако... – Он поднял глаза к небу. – Если предположить, что благодаря Солитариусу и этому забору в частности – ведь, согласитесь, бетонный забор повлиял бы на вас совсем иначе... Так вот, если благодаря ему кто-то из нас станет великим, а велик тот, кто переворачивает мир, то и забор этот в каком-то смысле станет великим. А если так, стоит ли жалеть о деревьях?

– Не могу разделить вашу точку зрения. По той простой причине, что такие мелочи не способны влиять на величие и уж тем более быть его причиной. Величие наследуется, а не приобретается. Я хочу сказать, что великими рождаются, а не становятся. Да, быть может, окружающая среда в какой-то мере может мешать или благоприятствовать развитию величия, но мера эта ничтожна.

– Скорее всего, вы правы, – тоном либерально настроенного учителя сказал Сократ и улыбнулся.

Вокруг как заведённые стрекотали кузнечики. Солнце ласково обнимало мир своими лучами. Что, если солнечные лучи – это то же, что человеческие мысли? Или слова. Может, Солнце посылает Земле какие-то сигналы, разговаривает с нами, но люди не понимают этого, не говоря уже о том, чтобы попытаться их расшифровать? Или, напротив, оно является чем-то вроде приёмника? Кто знает. И нужно ли это знать?

Мы прошли мимо поворота на домик для гостей, находившийся в лесу неподалёку, и я разглядел в конце поля, в стороне от дороги, несколько домиков, очень похожих на привратницкую, а рядом с ними ещё какие-то строения. Людей видно не было.

– Там живёт обслуживающий персонал. Повара, уборщицы, водитель и прочие, – объяснил Сократ. – А также конюшня. Гиппократ любит лошадей.

– Неудивительно, – усмехнулся я, – учитывая его имя. А нам разрешено кататься?

– Конечно. А вы умеете?

– Не знаю. Наверное, нет. А вы?

– Я предпочитаю ходить пешком, – сказал он с улыбкой. – Это полезнее, тем более в моём возрасте.

– Но там не только конюшня, насколько я вижу.

– О да! Ещё они держат скотину: коров, баранов и кур. И картошку сажают, и ещё что-то, какие-то злаки, кажется. Признаться, я не силён в агрономии.

– Ничего себе. Да у нас тут целая деревня получается.

– А что, может быть, со временем Солитариус и станет деревней?

– Может быть. Но тогда он перестанет быть Солитариусом – в прямом смысле слова.

Я насчитал шесть домиков, и все они были копиями друг друга, как брёвна в «великом» заборе. К ним вело ответвление от главной дороги, которая уходила правее и углублялась в светлый сосновый лес. Где-то там, в глубине, прятался коттедж Гиппократа. Почему же он отделился от остального персонала? Мог бы построить себе жилище и на поле – места полно. Но нет, спрятался в лесу. Впрочем, ничего удивительного. Я бы и сам так сделал. Жить посреди поля, хоть и около леса, очень неуютно. Однако лучше в мегаполе, чем в мегаполисе. Перед глазами вспыхнула какая-то картинка и сразу же погасла. Что это было? Я отчаянно пытался уловить мелькнувшую мысль, но не вышло. Кажется, это было что-то из прошлого, что-то очень хорошо знакомое, но не менее хорошо забытое. В любом случае меня это обнадежило: значит, мой мозг сохранил какие-то воспоминания. Сократу я ничего говорить не стал. Со временем выяснится, можно ли ему доверять, а пока – верить только себе.

С головой погружённый в раздумья, я не сразу сообразил, что мы уже пришли. Справа, метрах в десяти от дороги, в окружении громадных сосен стоял коттедж прямоугольной формы – двухэтажный, с маленьким балконом и открытой террасой. Он был гораздо меньше нашего. Земля вокруг него – не считая дороги, ведущей к входной двери – поросла голубым мохом и цветущими брусничными кустиками. Сердце моё мгновенно наполнилось любовью к этому природному ковру. Ах, какая красота! И воздух – такой лёгкий, такой пьянящий и возвышающий. Я ещё нигде не дышал таким воздухом. Гиппократ выбрал великолепное место для своего жилища. Да и само жилище, по сравнению с нашим, выглядело более уютным. Может быть, из-за своих размеров. И снова в голове моей что-то мелькнуло, и снова я не смог ухватить это. Но то был не обрывок прошлого, а что-то, касающееся непосредственно Солитариуса, что-то тревожное, какой-то очень важный вопрос. Проклятая рассеянность!

– Прекрасное место, не правда ли? – с любовью в голосе спросил Сократ. – Что ни говори, а Гиппократ сотворил нечто необычайно привлекательное. И здесь, и вообще. В Солитариусе *хочется* жить. Вы меня понимаете, Есенин?

– Думаю, да, – ответил я и тут же помрачнел. – Но почему тогда этот ваш шахматист пытался покончить с собой? Да я и сам вроде как пытался, если верить Златовласке.

Сократ нахмурился и тихо сказал:

– Мой юный друг, давайте не будем об этом *здесь*.

Эта боязливая осторожность начинала меня раздражать. Мысленно выругавшись, я молча направился к коттеджу. Сократ – тоже молча – двинулся следом за мной. Не успел я преодолеть трёхступенчатое крыльцо, как дверь открылась, и из коттеджа вышел человек. Это был высокий, широкоплечий и мускулистый мужчина в белой майке и чёрных спортивных

штанах. Он встал прямо перед дверью, скрестив руки на груди. На каменном лице его читалась уверенность во вредности всяких размышлений. Короткие каштановые волосы, хладнокровный взгляд, лет эдак тридцати пяти. То, что это не Гиппократ, я понял сразу.

Несколько секунд мы молча смотрели друг на друга. Сократ стоял у меня за спиной и тоже молчал. Тогда я сказал:

– Добрый день! Вы позволите пройти? Гиппократ назначил мне встречу.

Терминатор – иначе и не скажешь – какое-то время не реагировал на мои слова. Затем ничего не выражающим голосом выдал из себя:

– Я знаю, – и замолчал.

– Так можно мне пройти?

– Вам было сказано: в шесть часов. Приходите в шесть.

– А сейчас сколько?

– А сейчас – десять минут пятого.

– Вы бы спросили у Гиппократа: может, он согласится принять меня сейчас?

– Сказано: в шесть. Главного сейчас нет.

– Могу я поговорить со Златовлаской? То есть... Не знаю, как вы её называете.

– Приходите в шесть.

– Что ж, ясно. Благодарю вас, вы мне очень помогли, – не скрывая сарказма, произнёс я и отправился вместе с Сократом восвояси.

За всё время нашего разговора Терминатор ни разу не изменился в лице. Но говорил он так, будто слова причиняют ему огромное неудобство или даже боль.

– Кто это? – спросил я у Сократа, когда мы отошли на приличное расстояние.

– Один из дуболомов, то бишь помощников.

– Они все такие? – усмехнулся я.

– На вид – да. Однако я никогда с ними не разговаривал. За то время, пока я в памяти, мне не приходилось с ними сталкиваться лицом к лицу.

– Ясно. Далеко ещё до нашего коттеджа?

– Не очень. Скоро выйдем к речке, а оттуда ещё минут пять.

– Знаете, Сократ, мне тут пришла в голову одна мысль...

– Какая?

– То есть не совсем мысль. Скорее вопрос. Можно ли убежать от себя?

– О, это интересный вопрос! Ну и как вы думаете?

– Пока не знаю. Я хочу, чтобы вы правильно меня поняли. Возьмём, к примеру, некоего больного, маньяка, убийцу, допустим, Сталина, – я заметил, что Сократ хочет что-то сказать, и замолчал.

– С чего это вдруг вы Сталина вспомнили? И почему Сталина? Почему не Гитлера?

– Какая разница, я условно, – раздражённо ответил я. – Так вот, если бы Сталин оказался в Солятариусе, изменился бы он или нет? Вы вообще согласны, что Сталин, Гитлер и подобные им – это люди больные?

– О, друг мой, это очень сложный вопрос! Я не готов сейчас на него ответить. Но Сталин или подобные ему не оказались бы в Солятариусе. Хотя бы потому, что Солятариусу они не нужны. Если я правильно разобрался, Гиппократа интересуют только люди создающие – не путём разрушения старого, но путём обогащения действительности. А если и путём разрушения, то не таким, чтобы мир утонул в крови и слезах.

– Что ж, если так, то Гиппократ мне нравится.

– Однако допустим, что сюда попал некто с наклонностями разрушителя и палача. Изменится ли он? Полагаю, что да. Но не спонтанно. Только это уже будет не человек, а ходячий труп. Солятариусу трупы не нужны.

– Вы имеете в виду медицинское вмешательство?

– Да. Я не сомневаюсь, что любого маньяка можно обезвредить, превратить его, грубо говоря, в дауна. Но и только. А здесь, как видите, даунов нет.

– Вижу. Значит, вы считаете, что человека может изменить только медицинское вмешательство?

– Нет. Медицинское вмешательство может только уничтожить человека. Человека нельзя изменить и сам он измениться не может, я думаю.

– Вот представьте, – разгорячился я, – что Сталин оказался в Солитариусе. Чем он будет здесь заниматься, как по-вашему?

– Не знаю. Быть может, устроит революцию? – улыбнулся Сократ. – Или станет плести интриги, стравливать людей... Однако наши с вами размышления из области фантастики, мой друг. Давайте лучше радоваться, что среди нас нет сталиных, гитлеров и наполеонов.

– А что, если Гиппократ...

Я резко затормозил. Старик тоже остановился и вопросительно посмотрел на меня.

– Да?

– Нет, это чушь, не хочу даже говорить, – махнул я рукой и зашагал дальше.

«Научиться молчать, – сказал я себе. – Не стоит рассказывать о своих подозрениях, пока ничего не ясно».

Мысль, неожиданно пришедшая мне в голову, была довольно проста: что, если Гиппократ нашёл способ исправлять людей – не просто обезвреживать маньяков и разрушителей, но превращать их в поэтов, писателей, музыкантов?..

Глава 6

Остаток пути мы проделали в полном молчании. Я обдумывал свою мысль и вскоре уже выбросил её из головы, как слишком фантастическую и бездоказательную. Что-то мне подсказывало, что я – это я, что никто не правил мой мозг. Как вообще можно было допустить такое? С кем поведёшься, как говорится. Рано делать какие-то выводы.

Река – здесь она была шире и спокойнее – осталась у нас за спиной, и через несколько минут мы вышли к коттеджу. На террасе никого не было, внутри царила тишина. Сократ, пожелав мне приятного дня, отправился к себе, на второй этаж. Никого не встретив ни в гостиной, ни в коридоре, я добрался до своей комнаты и первым делом посмотрел на часы. Они показывали половину пятого. Переобулся в тапочки и присел на кровать. Необходимо было обдумать предстоящий разговор с Гиппократом.

«Какие, собственно, вопросы я хочу ему задать? Если Сократ всё-таки в чём-то прав, то неосторожность может сильно осложнить... Что осложнить? Поиски истины? А что, если истина слишком страшна, и именно поэтому нам ничего не говорят? Неспроста же они скрывают наше прошлое. И что произошло в изоляторе? Можно ли доверять Сократу? Чёрт, сосредоточиться! Давай по порядку. И всё же было в Златовласке что-то неправильное... А этот Шапокляк? Кто он? Чем он занимается? Ах да, камеры!»

Я осмотрелся. Где их могли установить? Люстра? Вроде бы ничего нет. Часы? Возможно, если предположить, что существуют камеры, которые нельзя увидеть невооружённым взглядом. Установили на стекло – вот и прекрасный обзор всей комнаты. Бесполезно искать. Ещё и микрофоны...

– Эй, вы слышите меня? Если слышите, знайте: я не намерен быть вашим кроликом, ясно? – громко сказал я, сам не зная зачем.

Интуиция говорила мне, что нельзя забиваться в раковину, в скорлупу, нельзя прятать голову в песок, а разум призывал к сдержанности, к неторопливому анализу фактов. Но много ли у меня фактов? По сути дела, ни одного, только слова. Верить им или нет – большой вопрос. Быть может, в моих записях есть какие-то намёки?

Я достал из тумбочки тетради и блокнот. Поразмыслив, положил обратно тетрадь с готовыми стихами. В блокноте не оказалось никаких записей, так что пришлось убрать и его. Оставалось надеяться только на черновик. Я прислонился к стене и начал читать. Точнее, разбираться в нагромождении слов, местами перечёркнутых крест-накрест, а кое-где полностью закрашенных чернилами. Не прочитал я и двух страниц, как у меня разболелась голова. Но и без этого мне стало понятно, что мои поиски не имеют смысла. Если бы и было в тетрадях что-то такое, то разве их оставили бы у меня? Наверняка они всё проверили. Но тогда что же делать? «Смириться и ждать», – подсказывал разум. «Чёрта с два! Атаковать! До тех пор, пока они не скажут правду!» – говорили интуиция и гордость.

Так и не определившись окончательно, как себя вести, я кинул черновик на тумбочку и, сложив руки за головой, растянулся на кровати. Мозг никак не желал сосредотачиваться на чём-то одном. Как ни копался я в себе в надежде зацепиться за что-нибудь, что могло бы пролить свет на моё прошлое, ничего найти не удалось. «На вашем счету – несколько покушений на убийство и самоубийство» – вспомнились мне слова Златовласки. Вот об этом стоило расспросить поподробнее, особенно про попытки убийства. Солипсизм, твою мать. Что за бред? Не мог я из-за какого-то солипсизма пойти на убийство! Покончить с собой – это ещё можно понять, но убить другого... Неужели я настолько сумасшедший? Как-то не верится. Вот с этого мы и начнём. А потом приедет жена, у неё-то я всё и узнаю. Однако... Что-то не срассается. Если Гиппократ всеми силами пытается скрыть от нас наше прошлое, то как вписываются в это посещения родственников? Сократ же сказал, что никто ничего не знает. Значит?

Либо родственники приезжают очень редко, например, перед выпиской (или как это назвать?), поэтому посещение разрешается, либо им запрещают рассказывать нам о прошлом. Других вариантов нет. Хотя, если подумать, есть ещё один, но он не очень вяжется со здешними порядками. Допустим, посетителям разрешают рассказывать пациентам о прошлом – при условии, что пациент не расскажет об этом другим пациентам. Что-то вроде подписки о неразглашении. Может быть, многие из нас знают, кто они такие и почему они здесь, но притворяются, что не знают? А что, если знают все, кроме меня? Попахивает Сократовской паранойей.

Я бросил взгляд на часы и резко вскочил. Было уже полшестого. Самое время идти к Гиппократу.

В гостиной я наткнулся на Шапокляка. Он вальяжно развалился в кресле, закинув ногу на ногу и скрестив руки на груди, и всё так же ехидно улыбался.

– Наш Байрон спешит к Асклепию. Он надеется, что Асклепий всё ему разъяснит! – с гадким пафосом воскликнул он. – Картина Репина «Приплыли». Желаю вам, сударь, и пуха, и пера! Вас проводить?

– Идите к чёрту! – бросил я ему через плечо с огромным удовольствием.

Он что-то крикнул мне вслед, но в этот момент я уже выходил на террасу и не расслышал слов. На улице, как и прежде, было безлюдно, и это меня вполне устраивало – не хотелось сейчас ни с кем разговаривать. Солнце медленно, как бы нехотя плыло к горизонту. А я весьма охотно зашагал к Гиппократу, надеясь получить хоть какие-то ответы...

...На крыльце, перед коттеджем Гиппократа стояла Златовласка. Она сменила белое платье на салатное покороче и собрала свои солнечные волосы в конский хвост. Я невольно залюбовался, но тут же нахмурился и вытравил всё лишнее из головы. Заметив меня, Златовласка улыбнулась, и это определённо была виноватая и, пожалуй, немного кокетливая улыбка.

– Добрый вечер, Есенин! – обволакивая меня своим шёлковым голосом, произнесла девушка. – Как прошёл день?

– Добрый вечер, Златовласка, – нарочито мрачным тоном ответил я. – День прошёл прекрасно, просто великолепно.

– Вам понравился Солитариус?

– Не то слово. Я в восторге, особенно от забора, – с сарказмом сказал я, глядя ей в глаза. – Сколько деревьев пришлось погубить ради него?

– Это вас расстраивает?

– Да, потому что я не понимаю, зачем уничтожать столько леса, когда можно было использовать другие материалы.

– Успокойтесь, Есенин. Что сделано, то сделано. Я появилась здесь уже после того, как всё было построено.

– И давно вы здесь?

– Около пяти лет.

– Немало. За это время вы наверняка узнали методы и мотивы Гиппократа. Почему, например, он построил именно такой забор?

– А сами вы не поняли? – в нежный голос её проникли сердитые нотки.

– Не понял. А что, если его кто-нибудь подожжёт?

– Забор, как и все строения, пропитан каким-то огнеупорным веществом, его нельзя поджечь. Честное слово, Есенин, вы меня удивляете. Неужели вы не поняли, что Гиппократ хотел создать нечто оригинальное, при этом тёплое и полное жизни? Бетон и металл в эту концепцию никак не вписываются, понимаете?

– Ясно. Ладно, спрошу у него самого. Вы не могли бы меня проводить?

– Мне очень жаль, но Гиппократ не сможет сегодня вас принять, – и, видя, что я собираюсь её перебить, она быстро продолжила: – Ему пришлось срочно отлучиться по делам.

– И когда же он вернётся?

- Я не знаю, но думаю, дня через три.
- Куда он отправился?
- Этого я вам не скажу, – холодно улыбнулась она.
- Ясно.

– Гиппократ попросил меня ответить на все ваши вопросы, связанные с Солитариусом, за исключением вопросов о нашем местонахождении. Надеюсь, вам уже рассказали, что спрашивать о прошлом тоже бессмысленно.

– Да, рассказали. Я только не понял, зачем вам всё это. И почему вы скрываете от нас наше местонахождение?

- Вы знаете, что мы находимся в Сибири. Гиппократ посчитал, что этого достаточно.
- А вы как считаете?
- Я с ним согласна.
- Но почему? Я никак не могу понять.

Златовласка замолчала, всем своим видом показывая, что больше ничего не скажет.

– Что ж, ладно, – не стал я настаивать, понимая, что это ничего не даст.

– Давайте присядем, – приглашающим жестом указала она на круглый столик в центре террасы.

– А почему бы нам не поговорить в вашем кабинете? – спросил я. – У вас ведь есть кабинет? К тому же мне очень хотелось бы посмотреть на ваш коттедж изнутри. Так сказать, сравнить условия проживания.

Златовласка бросила на меня проницательный взгляд и звонко рассмеялась.

– Экий вы хитрец! Надеетесь отыскать что-нибудь, что откроет вам глаза?

– Нет, что вы, как можно! – улыбнулся я. – Мне и в голову такое не приходило.

– Ну-ну. Так или иначе, не сомневайтесь, внутри нет ничего лишнего. Мне просто хочется посидеть на свежем воздухе. Вы же уступите право выбора даме, не так ли?

– И вы, сударыня, обвиняете меня в хитрости? – беззлобно усмехнулся я. – «О женщины, вам имя – вероломство!»

– О да, мужчин едим мы на обед! – забавно нахмурившись, воскликнула она.

– Прошу к столу, обед – за вами следом! – поддержал я игру, жестом пропуская её вперёд.

– Благодарю. Я страшно голодна, – ответила Златовласка и, сделав наимилейший реверанс, направилась к столу.

Она села лицом ко входу, я напротив неё.

– Раз уж мне вспомнился Шекспир... Скажите, почему я помню всё, кроме своего прошлого? И почему мне нельзя узнать хотя бы своё настоящее имя? Что в этом такого?

– Ваш мозг сам блокирует воспоминания о прошлом. Таким образом он защищает себя, то есть вас. Вмешательство с нашей стороны может повлечь тяжёлые последствия. Именно поэтому мы стараемся оградить вас от любой информации, которая может разрушить эту защитную стену. Кое-что мы, конечно, сообщаем, самый минимум, чтобы посмотреть, как отреагирует ваш мозг.

– Но мне сказали, что мы все здесь теряли память не однажды. Как вы это объясните?

– Точно так же. Включение защитного механизма. С высокой долей вероятности можно утверждать, что приступы случаются в момент разрушения защитной стены, то есть в тот момент, когда к вам возвращается память о прошлом.

– Что же в моём прошлом такого страшного? Ах да, вы говорили про несколько попыток убийства и самоубийства. Значит, от этого меня защищает мой мозг? – заглянул я ей в глаза.

Златовласка отвела взгляд в сторону.

– Вашему мозгу виднее.

– Расскажите подробнее.

– Не могу, Есенин. Я и сама не знаю всего. Всем занимается Гиппократ, а я лишь выполняю его указания.

– Ладно, а что там с солипсизмом? Разве это болезнь? Вы говорили, что именно из-за него я пытался убить жену.

– Я такого не говорила.

– Как же не говорили, мне что, голоса какие-то это нашептали?

– Нет, – улыбнулась она. – Я не говорила, что причина вашей агрессии по отношению к вашей жене кроется в солипсизме. Солипсизм – это следствие амнезии, побочный эффект защитной стены. И больше я вам ничего не скажу об этом.

– Просто прекрасно! – начал закипать я. – Каким же образом... По-вашему, я могу вылечиться, ничего не зная о своей болезни и её причинах?

– Я понимаю, Есенин, что вам хочется всё узнать. Но прошу вас поверить мне и довериться Гиппократу и... – она сделала паузу, – своему мозгу. Если бы это могло вас излечить, мы бы не раздумывая всё рассказали. Поверьте, мы точно знаем, что это только усугубит ситуацию.

Её ласковый голос действовал на меня как успокоительное. Я вдруг почувствовал себя ребёнком – беспомощным и обиженным на весь мир, и мне захотелось обнять Златовласку и плакать от обиды. Но я тут же опомнился и взял себя в руки.

– Гиппократ просил передать, что ваша жена прилетит в эту субботу.

– А сегодня?

– Понедельник.

– Что ж, хоть какой-то просвет. Но я не понимаю, как посещения родственников вписываются в ваши методы лечения? Думаете, жена не расскажет мне правду?

– Если она вам не враг, то не расскажет. Гиппократ перед тем, как разрешить посещение, беседует с родственниками. Объясняет им, что правда или даже небольшая доля правды, как настоящее имя, например, может сильно навредить вам. В большинстве случаев с ним соглашаются.

– А тем, кто не соглашается, в посещении отказывают? – насмешливо спросил я.

– Не совсем. Гиппократ предлагает выбор: либо они соглашаются на его методы, либо забирают пациента домой.

– Были такие случаи? Кто-нибудь забирал?

– Такое случалось дважды. И закончилось всё в обоих случаях весьма печально, – тяжело вздохнула Златовласка и опустила глаза. – Мы не должны были отказываться от них. Но что мы могли сделать, если их родственники были такими упрямыми и близорукими? Сначала они были согласны со всеми условиями, а потом, видите ли, передумали.

Было видно, что она сильно переживает по этому поводу. Я неожиданным для себя самого деликатным тоном поинтересовался:

– Так что же произошло?

– Они оба покончили с собой. Сразу же после того, как покинули Солитариус, – слабым голосом сказала она, ломая руки. – Очень талантливые люди. Были.

– Мне очень жаль, – тихо произнёс я. – Но вы не должны винить себя. Если кто и виноват, так это родственники и Гиппократ.

Златовласка одарила меня робкой улыбкой, но ничего не ответила.

– Мне сказали, что мы платим за лечение большие деньги. Это правда?

Она закатила глаза и вздохнула.

– Нет. Это вам наш дедушка сказал? Не советую вам верить всему, что он говорит. Впрочем, как хотите. Деньги... Каждый платит в меру своих финансовых возможностей. Кто-то больше, кто-то меньше. Все деньги идут на Солитариус, но, скажу вам честно, это не очень большие деньги. Если бы не было иных источников финансирования, Солитариус бы долго не протянул. Точнее говоря, его вообще бы не было.

– Иных? Это каких же? – спросил я, хотя и понимал, что ответа не получу. Златовласка улыбнулась и покачала головой.

– Значит, вы возитесь с нами не ради денег... Тогда ради чего?

– В жизни существует множество гораздо более достойных целей, чем зарабатывание денег. Особенно если в них уже не нуждаешься.

– Ясно. То есть вас интересует то, что происходит с нами, наша болезнь... Ну а я? Какова мера моих финансовых возможностей?

– Понимаете, Есенин, насчёт всего, что касается вашего прошлого, мы могли бы врать, чтобы успокоить вас. Мы могли бы выдумать ваше прошлое и выдавать его за правду до тех пор, пока ваша память не пришла бы в норму, но мы предпочли быть откровенными с вами. Понимаете?

– Кажется, да.

– Очень хорошо. В таком случае не заставляйте меня врать.

Не знаю почему, но я ей верил. Наверное, причина крылась в её глазах. В них не было двойного дна, чего-то затаённого, она определённо говорила то, что думала. А Сократ... А что Сократ? Просто параноик. Он сам назвал свои подозрения домыслами. Иначе и не скажешь. Неизвестность – это зеркало, в котором человек видит только своё отражение. Сама темнота, в сущности, пуста, – человек наполняет её собой. Так и возникают монстры, боги, иные миры и прочие домыслы. Сократ долго смотрел в глаза неизвестности, и в итоге неизвестность обрела его черты, она, если можно так сказать, стала им. Быть может, старику хочется верить во всякие заговоры, тем более что он – писатель, фантазёр. А что же я? А я, пожалуй, отвернусь от темноты. Хотя бы на время. Подожди-ка...

– О чём задумались, Есенин? Вы мне не доверяете? – как будто бы с обидой спросила Златовласка.

– Нет... то есть да... то есть доверяю, – рассеянно пробормотал я в ответ. – А задумался я о другом. Сегодня со мной произошло что-то странное.

– Да? – она внимательно посмотрела на меня. – Расскажите, мне очень интересно.

– Мы с Сократом шли мимо изолятора, и мне захотелось зайти внутрь. Это ведь не запрещено?

Мне показалось, что Златовласку встревожили мои слова. Едва уловимая тень пробежала по её лицу. Но когда она заговорила, мои подозрения как рукой сняло.

– Это не запрещено. По той простой причине, что изолятор всегда закрыт. Полагаю, вы видели дверную ручку? Так вот, это не просто ручка. В неё встроены сканеры отпечатков пальцев. При всём желании вы бы не смогли попасть внутрь.

– Правда? – насмешливо спросил я. – Каким же образом тогда я открыл дверь?

– То есть как открыл? – округлила глаза Златовласка. – Это невозможно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.